

Расшифровка интервью

Дата: 18.05.2021

00:00:22

Да, это вот мои бабульки, это День [памяти жертв политических] репрессий, у памятника, у церкви нашей в Окуловке, вот вход в церковь там, а памятник вот здесь стоит. Бабульки. Уже нет бабулек половины, нет уже бабулек. Это [нрзб], это в Новгороде мы, 30-го. Вот тоже [нрзб], мы там сидим с этой [нрзб]. Это наша бухгалтер. А это у старого памятника еще, [нрзб], здесь вот я по микрофону говорила, выступала. Здесь тоже со [нрзб]. Одинаковых этих самых много...

00:00:49

Я всё подниму.

...которых не помню. Это уже в музее мы сидим в нашем здесь, в музее уже нашем. Это тоже в Новгороде. Это у памятника в Новгороде, 30-го. Это я тут выступаю за трибуной. Надо было читать резолюцию, что-то такое, чего-то мне доверяли. Это тоже [нрзб], это я тут чего-то толкую, что ли. Ой, я уже всё. Это у нас у церквушки, бабульки мои. А это можно... Ой, да их тут, тут их миллион. А это наш... Газета, господи, как же его фамилия? На презентации книги памяти были, какой — не помню. Вот у памятника мы тоже стоим в Новгороде, жертвам, будут переделывать, но коммунисты денег... Вот возложение цветов было. Заблокировали что-то. Это тут я... Не вижу, что тут такое. Не пойму. Какая-то мелочь, чего-то. Это мы [на] День [памяти жертв политических] репрессий тоже в Окуловке, это в ресторанчике в этом. Это уже, наверное, сколько... Этот был замглавы, мэром города. А здесь в Новгороде, в Новгороде сидим. Перед нами выступала Ефремова, Галина Михайловна Ефремова перед нами, в зале вот. У нее даже, по-моему, или зал, [или] ее кабинет, что-то такое, мы были там, она выступала, говорила о законах о всех. А тут я не вижу, кто, кто тут говорит.

00:02:54

Ну кто-то говорит, представляет книгу эту, книгу памяти.

А, ну это, наверное, это, наверное... Нет, это...

00:03:03

Он представляет книгу памяти первую, наверное.

Витушкин, думаю, Витушкин, вот его как [зовут]. Журналистам, как он... При репрессированных-то. Это тоже мы выступаем у памятника, тоже в День [памяти жертв политических] репрессий. Эта вот умерла, Вера Федоровна, которая была в Боровичах председатель [общества] жертв репрессии года три, наверное, она умерла. Она не репрессирована была...

00:03:42

Ну просто организатор, наверное.

Да, ее всё... Некому было, некому, и ее... Работала она прекрасно, прекрасно. А это вот мы фотографировались после совещания, члены правительства, президиума, правительства. Не помню тоже, года, наверное, четыре, если не пять, два года уже ничего не это самое. Это вот мы тут. Меня Шесмалова фотографировала, то я фотографировала. Я тут с краешку. Ну это мои бабульки тоже, здесь отмечаем всё время День памяти жертв репрессий. Батюшка в церкви сделает панихиду и еще выходит и у памятника, хоть какая погода. Это что-то я выступаю тоже.

00:04:35

Это я забрала. Хорошо, Галина Михайловна, у меня еще вопрос. А вот тут написано письмо Путину...

Это тут начало...

00:04:44

...узнать, получены ли документы. А по какому поводу письмо Путину писали?

Письмо Путину я писала... Ой, это уже старые-старые [фотографии]. Самый первый, да, самый первый альбом репрессированных-то, самый первый. Путину я писала по такому вопросу, что пока... Что у меня [с прической]? Я не это самое... С уличным светом...

00:05:08

Мы еще не...

По такому вопросу. Пока была тишина как бы, до 75-летия Победы была тишина. Все люди были равноправны, все одинаково потерпели, как говорится, от войны. Одинаково. 75-я годовщина наступила, и пошло разделение людей: кто-то больше пострадал от войны, а кто-то — как бы и мимо война прошла. Как бы и не пострадал. В чем это заключается? Вы знаете, 75... Вот у меня есть 70 лет Победы, я «дочь врага народа», и Кудрявцева Валентина Васильевна, у нее отец воевал. И от Совета ветеранов, как я везде выступаю, в школах, везде, у Пушки, у кладбища, в такие дни все, ну и в школу приглашают меня выступить, поговорить... Я уже сбилась...

00:06:14

Разделили. Один воевал, а у вас репрессированы.

Да. Не было различия, не было. 75 лет. У меня подарена с ручкой кружка. Показать принести?

00:06:28

Нет, мы пойдем туда по-настоящему снимать.

А! Кружка, и там [написано]: «75 лет Победы. Великий Новгород». И фляжка. Нас... Даже машина была дана, замглавы — умерла, молодая умерла Татьяна Васильевна, финотделом заведовала, финансовым, — нас везли специально, мы (вот есть фотокарточка) на трибуне сидим, возложение цветов у Кремля, Бессмертный полк у нас. Ребятишечки нам цветы дарили. Потом нас в филармонию, там возложение цветов у стены, в филармонию, был концерт, было чаепитие и дарили вот эти подарки: фляжка [с надписью] «9 Мая, День Победы», вот эта кружка. Ну и там всего-всего целый этот самый... Не было. 75-я годовщина. Всё. Только выделили — участники войны. Где они? Ау! Их нет, которые воевали, нет их. Участников войны выделили, ладно. Какие-нибудь что-нибудь... Аж вот так до этого самого медалями [увешанный] дедуля сидит, по телевизору показывают. Теперь: тружеников тыла. Кто-то работал, а кто-то сидел дома, ничего не делал. Выделили. И узников детства, которые не были нигде. Я лично знаю людей. Теперь: блокадников. Пятого, шестого [числа] мы собирались, День Победы отмечать, ветераны, всё это. Я тоже сказала, выступила, показала эту кружку. Разделили нас. Почему? А вы знаете, я в госпитале лежу. Блокадники, блокадники. Когда начали разделять — деньги этим, этим, этим, а там никому ничего. Такой был скандал! Женщина говорит: «Слушай!» До слез, она прямо плачет. «Ты посмотри-ка, отделили». Нам на постой с Ленинграда семьями привозили в деревни, семьями, мы их кормили, поили, ну и картошечкой, молочко, всё, как говорится. Потеснились. Когда блокаду с Ленинграда сняли, они все быстренько поехали по своим квартирам. Они блокадники, им все 24 удовольствия. А мы-то? А нам ничего. Мы никто. Нам привезли, на постой поставили семью. Нам ничего. А им пожалуйста. Теперь эти блокадники тоже, ой, труженики тыла. У меня тоже мама была ветеран войны. Перед тем как выгнать нас из дома осенью... А она ходила два месяца рыла противотанковые рвы и окопы, чтоб немец в Валдай не попал. Он в Валдай не попал. А в Демянске стоял. А у нас деревня вот прямо... Если вы по Угловской ехали, нет?

00:09:26

По Угловской.

Вот. Налево Костково деревня, по трассе ездить, где Яжелбицы и Демянск, Костково деревня. Рядом немцы-то, через трассу, как говорится, были. И она... Вот она отработала, а у нас, мы чужие в деревне. Родственников-то никого. Мама вышла замуж. А зимой приехали два солдата с винтовками — в товарные вагоны и в Красноярский край. Мне шесть лет еще не было, брату четырех не было. Без теплушек, ну, без печек, без всего. Когда закончилось всё это, приехали, мамы... Была ветераном войны, зеленая книжечка дана. У нее даже медаль дана юбилейная. Если бы она сейчас бы... [нрзб]. Какой труженик, ветеран войны, труженик тыла, как говорится, ей бы. 108 ей уже будет, 108. На прошлый год 107 лет было. Ей дали удостоверение. Правда, хоронить она не подходит, когда она умерла, военкомат, нет, она не подходит, ничего. Тут же «жена врага народа» — и тут же она, пожалуйста, ветеран войны. Такая несовместимость, несовпадение. Ну и потом. А репрессир[ованных], этих всех выделили четыре [категории], остальные люди, с ребятишками семьи такие, как бы войны и не видели, мимо война прошла. Кому 75... А деньги неправильно распределили, деньги-то: кому дали — уже и не надо, кому не дали — надо, но не дали. Это чего? Я вот тоже говорю: вы все слышали по

телевизору, когда участникам войны, кто жив, для здоровья, для поддержки здоровья, на лекарства, на лечения, кто жив, по 75 тысяч выдавали. 50 тысяч — блокадники, 75 — узники тоже детства. Тоже, говорю, стоят, одна говорит: «Слушай, мы с тобой рядом жили, мы с тобой одну работу все делали. Ты как труженик тыла 30 получила, а мне ничего. А я нигде ничто». И когда я по телевизору, одна женщина звонит, говорит: «Галина Михайловна»... Давали наборы продуктов: килограмм соли, килограмм песка, гороха — в общем, давали набор. Опять не всем, опять скандал. В деревне, кому по поселениям давали отсюда, там делили эту коробку с этими [продуктами], делили, что «давайте два пакета» — сами которые председатели Совета ветеранов — «давайте три пачки вот этого, две пачки этого», что не всем дали-то, не всем. И ко мне звонит в Окуловке: «А чего это соседка получила, а мне нет набора никакого?» Я говорю: «Знаешь что? Ты получаешь 500 рублей каждый месяц за участника войны, твоего мужа, его уже больше 20 лет нет. Ты получаешь 500 рублей. А твоя соседка, раз за всю жизнь она получила вот этот набор. Ну пусть он 300, ну пусть 500, так ты на 500 рублей каждый месяц... Ты можешь этой солью засыпаться, и горохом, и всем на свете вот этим. А она за всё... Потому что ты каждый месяц 500 получаешь, а тут ей раз в жизни дали. И теперь знаешь что? Тебе 75 дали тысяч?» — «Да». — «Так помалкивай». По телевизору по новгородскому объявили, сама лично вот на кухне [видела], объявили: «Извините, пожалуйста, получилась накладка. Кто получил неправильно...» Не неправильно, а как-то... Как же, слово-то такое, что «деньги, пожалуйста, возратить». Я говорю: «Ты за...». Ну, по-русски ей сказала: «Закройся, пожалуйста. Отберут у тебя». Сами-то, конечно, никто. Возратить. А мужчина, не видно, а говорит: «Ой, вы знаете, я уже зубы, а я уже зубы сделал на эти деньги». Я говорю: «Помалкивай, а то заберут». Прошло какое-то время. Потому что это незаконно, 20 лет его нет, участник, мужа-то ее нет, а ты-то чего, ты 500 рублей за него получаешь. И опять по телевизору: «Просим извинения». И там такие слова: кто успел возратить деньги, то эти деньги вам будут на счет возвращены. Слушайте! У меня вот это вот, я ни разу не грамотная, у меня в голове это не укладывается. Задали вопрос замглавы: почему? Это же женщина. Я говорю: «Ты еще что-то возникаешь». Ну ладно, сказали оставить там всё это самое. Задали вопрос, она говорит: «Мы в районе, мы в районе не виноваты. Нам спустили с Новгорода вот эти списки, кому, чего и что, по спискам уже по готовым с Новгорода надо». Ну вроде как, но как? А как в районе знать людей? И это ли не между людьми, не разрыв? Даже кто знакомые-то уже люди-то между собой-то. Ну не буду говорить, не буду говорить, как эти узники детства, женщина живет, узник детства, она и во сне не видела. Ну там по свидетельским показаниям, как говорится, это самое. А тут звонит, а, сыну говорит: «Мамушка твоя получила 75». Он говорит: «С какой радости она получит? Она изгой, репрессированная, она ни к кому не подходит». Это вот к этому слову. «А как, а как?» Потом я ей сказала: «А ты знаешь что? А ты тоже помолчи, пожалуйста. Помолчи, пожалуйста, ты ни сном ни духом этого узника, нигде не была, ничего, по свидетель[ским показаниям], кто был». В общем, не буду я, она жива, пусть она жива, она боялась, я говорю: «Живи ты спокойно, никому ничего. Твои слова...» Ее слова были, она не знала, что вот такое будет разделение, ты понимаешь? Кому-то деньги, кому-то ничего. И она всё-всё, собирались, в райисполкоме раньше было, и она всё-всё про себя рассказала. А потом, когда вот это началось — или блокадник (они там ни дня не жили, квартира была), или узник детства, — но ездили-ездили с мамой, решили, что «узник детства» лучше получить, получили. Получайте ради бога, на здоровье. И так... Вот даже скажу. Когда у председателя районного совета, ко Дню Победы, она на районном совете ветеранов предложила как бы поощрение тем, кто занимается пропагандой, разговорами, беседами с молодежью, даже с людьми, всё, как бы поощрение, она там... Афганцы, чернобыльцы, кто там еще, она говорит: «Как вы считаете?.. Я Галину Михайловну, потому что она у нас везде палочка-выручалочка, и стихи на военную тему, всё везде, я хочу тоже на поощрение». Проходит время, никаких, никто ничего не говорит. Я потом звоню Галине Михайловне, бывшая председатель районного совета, говорю: «Галина Михайловна, мне неудобно, но как-то тишина, или да, или нет, или чего-то». Она потом мне звонит: «Знаешь что?» [Нрзб] неудобно было сказать, она уже, она знала, она ж списки-то подавала. «Да я вот стала узнавать, и мне сказали в районной администрации: "Она ж не труженик тыла». [Нрзб] ...Всю квартиру, как у меня: «Бабушка, ты не работаешь, а у тебя грамоты, сколько всего на сте[нах]». Мне не надо денег, мне то, что благодарность, что я занимаюсь общественной работой.

00:17:29

Вы написали Путину письмо-то это?

Да, да-да, да-да.

00:17:33

И отправили?

Я написала и отправила, и оттуда пришло, даже телефон, куда было обращаться, дали, по интернету нашли. Написала, всё, я ему, я зло, конечно, после этого всего написала: «Господин президент». Я письмо написала же еще и этому, Геннадию Андреевичу: «Уважаемый Геннадий

Андреевич», — да, тоже послано, но оттуда ни звука.

00:17:59

Зюганову?

Зюганову, да, это про детей войны. Ну я попросила, писала тут у меня женщина, как говорится, я сама-то... Если бы я сама, то я, конечно, не так, не это самое. Написала, что «господин президент, почему вы поддерживаете порядок того давнишнего», я теперь не скажу, оно даже есть, у наших есть, я отправлю своим этим самым туда. «Почему мы, пострадавшие русские от русских, и в малолетстве, ни юношества, ни детства не знали, почему мы сейчас, как изгой, вообще исключены?» Хотя много лет назад, когда вот эти начались репрессии-то в девяносто первом году, там раньше было, вот эти создаваться всё, Путин сам, сам выступал, что нет репрессированных, вымерли все. Да, родители, родители вымерли, а дети-то остались, дети-то [остались], вымерли все. Теперь Жириновский по телевизору: «Репрессированные с красными флагами бегали по деревням». С Новгорода женщина, член правительства тоже, она такое написала, ему расписала всё, как и чего, документы все посмотреть. От него извинение было, Николай Саныч нам после этого, как говорится, говорил: «[нрзб] Жириновский, я не знал». Извинение было. И я и Путину: «Почему не выполняются, в Конституции всякие дополнения делают, там деньги, туда деньги, я низко кланяюсь, что 20 лет прошло, но вы вспомнили о молодых семьях, жильё, о детях, о детях, но и то не полностью вы о детях продумали». А после меня все смеялись: «Галина Михайловна, ты, что ли?» Это правда я, я одна писала, что «наконец-то обратили внимание на больных детей, и вот уже как бы закон уже, что деньги, миллиарды какие-то выделены уже на это дело, ну почему каждый день по всем каналам родители с протянутой рукой просят людей, людей простых помочь собрать деньги на лекарства, чтоб за границей операция, лечение, или здесь купить лекарство? Почему? Почему не всем-то?» Ну это немножко, конечно... Почему другие дети лучше, им все?..

00:20:36

Ответил? Ответ был?

Была бумага от клерков его: «Ваше письмо принято, принято во внимание, будем разбираться. А что вы всё-таки хотели?» Я написала: дети... Вы понятия, понятия не имеете... И опять вы выучились, опять вы посажены где-то начальником, вы понятия не имеете, что это такое. Я хотела — почему мы вычеркнуты из жизни, репрессированные, нас меньше и меньше, почему мы дети, пострадавшие, ни детства, ни юноши, почему? И мама, как говорится, ни дня в школу не ходила, почему мы так пострадали от русских? А я еще там [написала], что копают у этих, солдат-то всё выкапывают, а этих-то не дают, репрессированных, как везде. Расстреливали — тут же в яму, как говорится, не разрешают. Почему вы поддерживаете тогдашнее правительство, то, что вы говорите 30-го октября, и поздравления, это всё, говорю, неправда, это всё не от души. Вы тут же, вы сказали, что написано, вы тут же забываете. В общем, я жестко, жестко, жестко так, это самое: почему так в жизни творится? И Зюганову, а Зюганову я много, много, я ему много примеров привела, Путину. Вы как бы стоите у руля, но вы же как следует не ру[ководите], вам же всё равно не дают, вам же, может быть, вы бы и хотели лучше и лучше, лучше для народа сделать, но вам всё равно не дают ваше окружение, ну почему так? Ну там много вот в таком я стиле. А Зюганову написала: «Уважаемый Геннадий Андреевич, вы давно-давно кричите уже: дети войны, дети войны, надо дети войны выделить, надо что-то чего-то, а что — вы ничего не говорите. А что выделить этим детям, что дать, жили[щные] условия какие-то, что-то, что?» Дали с 1929 года по сентябрь, 1945 год, считать всех «дети войны», удостоверение у меня есть, у меня есть звездочка, всё, «дитё войны», как говорится, выдана, коммунисты, коммунисты это занимались этим делом, коммунисты, Зюганов. И до сих пор... Что, Лапоньки?

00:22:56

Эля хочет, чтобы вы привели уже себя в порядок и сели давать по-взрослому интервью.

Вот, и я... Вы вот репрессированных детей, вы относите хотя бы мысленно к детям войны или нет?

00:23:07

Конечно.

Включите? Это вы сказали. И ответа никакого. Включите вы нас или нет, и хотя бы что-нибудь скажите, что вы хотите для этих детей сделать. Ну тоже много-много. [После монтажа] «А кто такие репрессированные, кто?» А я стою рядом, я говорю: «Извините, пожалуйста». Я говорю: «Вы [спрашиваете], что за люди репрессированные. Так вы человек? Вот и я тоже человек, и я

репрессирована. Шесть лет я выгнана из дома, я репрессирована». — «А как это, а как?» Ну, отец, видите ли, не убил никого, не украл ничего, как сейчас там творится. Не так сказал, начальству не понравилось, он счетоводом был. Начальству не понравилось. Напоили двух мужиков, тогда сосед, [на] соседа могли бумагу написать, черный воронок приезжал, ночью всех забирали. Слово не так сказано или мысли какие-то друг, на друга [доносили] соседи. Вот это репрессированные, вот я, говорю, репрессирована. Так, чего, лапушка?

00:24:08

Где вы родились, когда вы родились и как вас зовут?

Я родилась... Волыгина Галина Михайловна, 29 января 1936 года, деревня Костково Валдайского района. Мы теперь в Новгородской области, Ленинградская была, в Новгородской области.

00:24:30

А фамилия эта девичья?

Да, Волыгина девичья. Или Ковальчук.

00:24:34

А в какой семье вы родились?

Ну, как сказать, так... Папа был счетоводом в колхозе, сначала он был тракторист. Полтора года он отучился в церковно-приходской школе, писал грамотно, ну и, видимо, и грамота, что его счетоводом поставили. Мама ни одного дня в школу не ходила, они жили между Валдаем и Лычково на железной дороге в будке. Их пять человек было, три брата, две сестры. И она в школу не ходила. И она на курсы... Вот этого я не могу точно сказать, в деревню... Как они познакомились с папой? Где-то по деревням праздники же раньше были, они познакомились с папой. И вот она в 1935 году, 2 января, они с папой расписались. То есть она в эту деревню Костково вышла замуж за папу.

00:25:39

А дедушки, бабушки? Прадедушки, прабабушки?

Не видели ни одного. Не было у нас ни дедушек, ни бабушек. Вот мама, на железной дороге в будке жили, отец ее, как бы дедушка, поехал в Старую Руссу. Я когда была в санатории, мама говорит: «Поищи могилку там». Я говорю: «Мама, да ты что?» Столько лет прошло, и он как неизвестный похоронен там, умер. И там он пропал. Бабушка умерла в этой же будке. И вот мы в 1958 году с мамой ездили, ходили пешком от Лычково, от Лычково, ходили посмотреть, что-то еще осталось, оградка, прям вот эта железная дорога — и на насыпи. И будка, она уже вся разваливалась там. Мы не видели ни бабушку, ни дедушку. А папины — это от маминых, — а папины, вот в деревню, где они жили... У него мать рано умерла, отец женился на другой. У него сводный брат есть, его не тронули, ничего, он в Ленинграде живет, теперь дед Саша умер уже. И бабушку мы эту, чужую как бы, мы тоже не видели. Нас вот, маму посылали на окопы когда, она просила, чтоб с нами кто-то посидел, а ночью прибегала, нам поесть приносила ночью, так нельзя днем [было], два месяца она в Валдае рыла [окопы]. С бабушкой, с чужой. У нас ни бабушек, ни дедушек мы не видели. Не знаем, что это такое.

00:27:09

А семья была хорошая? Работящая? Или сложно, плохо жили?

Папу-то в 1937-м... Нет, нет, они не жаловались. Они вот в 1936 году, в 1935-м они расписались, в 1936 году они купили домик. Это вот мама, статью писала девочка, огромный дом. Купили домик у бабульки у одной. Такой, двухэтажный. Но заходишь с улицы — большая кухня, русская печка стоит, стол, и вот так кровать стоит. Там маленькая спаленка, там кроватка стоит и комод, ну, после войны, я помню всё. На второй этаж лесенка идет, там наоборот: комната такая и русская печка. А кухонька, наоборот, маленькая там. Там стол прикрученный был, вот я помню, скамейки прикручены. Вот они остались, когда мы после эвакуации-то вернулись, у нас ни окон, ни стекол, ничего, и полы провалившиеся — и вот эти только с винтами скамейки и вот этот стол прикрученный. А еще папа охотник был. Клетка железная на кухне в уголке стояла. И всё.

00:28:24

Для собак клетка железная?

А он охотник был. Нет. Зайчики...

00:28:28

Понятно, капканы.

Тетерева, на тетеревов как сидел, и когда мы в [нрзб] приехали, он тоже. Даже мы раз с Генкой были взяты, в шалаше сидели, караулили, когда начнут токовать тетерева, хвосты распушенные.

00:28:46

То есть семья в достатке жила?

Ну какой тогда достаток был? Папа всё-таки работал, а мама потом [за] два месяца прошла курсы на заведующую дет. яслями, ну ясли и детсад вместе, заведующая дет. яслями была она. Это вот перед войной. Так что они работали, они работали.

00:29:09

А колхоз богатый был или не очень?

Нет. Нет, колхоз небогатый был.

00:29:14

За счет чего колхоз жил?

Понятия не имею.

00:29:17

Не помните?

Понятия не имею, не знаю я. Пока мы, шесть лет мне было, нас выгнали, а потом с эвакуации в 1944-м, в 1946-м мы к папе уже уехали. Всё. В деревне-то в этой мы и не жили.

00:29:30

А что самое первое вы помните? Вот самое первое воспоминание маленькой Галины Михайловны. Что самое первое?.. Вообще самое первое, что помните?

Самое первое, конечно, это трудно. Может быть, я... Но я не помню, мама говорит, что я год семь месяцев была, когда папу взяли. И мама говорит, когда пришли два человека в штатском, стали папу уводить... А я очень папу любила. Я даже, мама рожала меня у папы, в деревне, у папы на коленях. Руки за папину голову, бабушки принимали меня. И я папу любила. И спать я не допускала, пока я не усну, папу, чтобы пустить к маме, не пускала, на крик кричала. Они смеялись. Я засыпала, они тогда как бы соединялись. И потом, когда год семь месяцев было, я вот этого... Ну, всё равно нет такого смутного, что меня отрывали, как от папы отрывали. И там домики так на горочке, под горку его повели. Мама говорит: «Мне было, я-то ревела тоже на голос». Еще и беременная была, через два месяца родила. А я кричала: «Мама, папу дядя!» Рвалась всё. Папа тоже, мама говорит, он тоже на голос ревел, а эти двое его давай-давай, скорее, чтобы дальше. Машина была оставлена не в деревне, а на конце деревни, у ворот. Раньше же деревни-то, изгороди кругом были, ворота, чтобы заезжать с четырех сторон в деревню-то, это было. И так они увели. А потом уже, ну как-то всё по деревне бежали, смутно, как-то чего-то ребятишки. И вот когда начали, бомбежка началась ночью, это ночью, такое, как гроза, как гром, как что-то чего-то непонятно. И когда я утром спустилась вот оттуда по лесенке, а у меня под лесенкой было всяких стекляшек, всяких вот тряпочек, не было игрушек, кукол, ничего, это сейчас это вообще что-то. И у меня... Дом сотрясало, дом, Демянск как раз заняли, и эти стекляшки-то у меня... Я так ревела, мама пришла, она потом... Тетя Устя, Устя, вот на фотокарточке есть, та пришла: «Чего ты тут смеешь[ся]?» — «Ты погляди, как ревет, собирает стекляшки, ревет, слезно ревет, погляди, как кто-то чего-то это самое, что вроде бы это». Вот первое [воспоминание], что у меня [есть]: слезно ревела. Я не помню, как я ревела, когда папу [увели], я ревела, что у меня упали все эти стекляшки разные, что собраны были стеклышки, вот они упали. Ну и второе, детское уже, детское. Немного погодя, больше всего, больше всего, это как-то не хочется всё уже рассказывать, я не рассказываю, своим голову не засоряю ребятишкам, это как к слову сказать: «давайте, детям рассказывайте, говорите, чтобы дети знали, дети знали». «Ой, мои прапрабабушка, прапрадедушка по телевизору, там воевали». Или как Юля ведет «Мужское / женское», два-три дня назад спрашивает: «А вы не помните, вы не считали, сколько вы фашистов убили, сколько вы фашистов убили?» Он молодец, ни орденов... Он молодец прямо, я говорю, умница, а я бы тебе так бы сейчас бы чем

нибудь бы рот [заткнула], Юленька. Он говорит: «А вы знаете, а на войне как считать? Как считать? И потом — убиваешь человека». Вот он правильно вот это сказал: ведь убиваешь человека, враг он, не враг, но ты человека убиваешь. Если ты не убил, он тебя убьет, люди людей убивали. Он правильно сказал: как это считать, сколько там? Ладно, самолеты сбивают, звездочки, всё. Сколько это, считать... И вот детям: «да-да, говорите, чтоб они помнили, запоминали». Я тоже выступила, шестого было, говорю: «Ну что мы творим?» Я говорю, меня просят — я говорю, рассказываю, что [было], случаи, случаи военные, какие были со мной именно, я рассказываю, говорю. Ну, а так, а чтобы «вы запомните, вот этот дяденька вот этого убил, вот это[т] столько-то» — ну нельзя засорять. Вон, Таджикистан... Казань. Тьфу, Казань... Ну да, Казань.

00:34:10

Казань, расстрел в школе.

Во! Дети, молодой парень, а тут же, я говорю, их заставляют: говорите, говорите, чтобы они помнили. А нам говорят... Как я начала тут, 85 лет мне отмечали, они [говорят]: «Галина Михайловна, как-то ты, так ты прошла такую жизнь, ну какая-то ты, не обозлилась какая-то, с народом всё говоришь, всё как-то спокойно, всё рассказываешь». Нет злобы и нет вот этого всего, лишнего, ребятишкам преподносить, как и чего это, что это. Потому что я пожила до 20 лет в четырех областях, в четырех, в разных, и разные люди, и большинство людей не так[ие, как сейчас], были добрые, хорошие, относились совсем не так, как сейчас. Ой, сейчас люди совсем, ну совсем не те люди. И нам говорят: да вы не вспоминайте, да вы забудьте прошлое, живите вы настоящим». Девочки, лапочки, вы не знаете, что это такое, прошлое. А где нам настоящее, старикам-то? Где нам, старикам, настоящее? Дайте мне, скажите, пожалуйста. Да мы жили плохо, но и хорошо. Мы жили хорошо, мы жили дружно, помогали соседям, мы не видим месяцами, соседей никого не видим. Мы очень дружно, помогали, к соседям бегали, хлеба, соли, а сейчас двери везде [закрыты]. Работа — дом, работа — дом, работа — дом, деньги, деньги, деньги. Совсем другие люди, совсем другая жизнь, я говорю. Нельзя равнять. А хотите на стариков? А что со стариками сейчас? Домой приходят, выискивают одиноких, деньги забирают, очищают, забирают, документы переписывают, переписывают, теперь уже и в банке деньги нельзя хранить, и там уже снимают со счетов, с карточек, со всего уже деньги. А что в городах? А с квартир выгоняют. И люди пропадают. Тут вот именно я уже скажу, говорят: «Галина Михайловна, тебя посадят». 1937 год прошел, а я уже пожила хорошо, я готова и сесть [за то], что я говорю. Я не боюсь этого, говорю. Показывают, но люди теряются. Тишина! Ну тут вот бы какие, закон бы какой, [в] ежовые рукавицы вот этих бы людей, не по головке погладить или «ну ладно, вот ты сделал — сутки, двое-трое», буханку хлеба укради — посадят, а миллиарды крадут и крадут. И всё, тишина. А старики? Вот кино показывают. Один эпизод в каком-то кино, не помню, я раньше смотрела кино военное. Ну как-то было, совсем мысли другие, как-то всё это думалось, а теперь, на старости лет, когда пошло вранье, вранье, кино, кино военное, вранье, даже эти уже, которые еще живы были, они умерли, рассказывали это всё. Остались живы, это которые ранены были перед войной, вот живы. Вранье, столько... Даже по телевизору бабулька одна рассказывала: «Вы знаете, ой сколько неправды!» Всё, милая, тебя больше не показали, убрали с экрана, что столько неправды льется, столько вранья льется, это ужас. Выгоняют. Дети убивают родителей, дедушек, бабушек убивают. А теперь один эпизод, в каком-то кино было. Приехали каратели, немцы на мотоцикле, каратели приехали. Загнали всех людей с деревни в сарай и подожгли сарай. На мотоциклы сели... Это сейчас отрывки, уже это показывают, что вот, как это самое. И уезжают. Люди кричали, горели. А сколько у нас сейчас горит бабушек, дедушек в домах престарелых? А? Сколько домов горит? Они тоже там кричат. Они тоже живые там. Почему ни разу, ни разу не покажут? Так потихонечку показали: сгорело — и гладенько, и всё. А вот бы...

00:38:08

Галина Михайловна, вернемся чуть-чуть назад.

Давай-давай, лапушка. Я ведь... Ты меня останавливай, ладно?

00:38:13

Хорошо. Значит, отец, уводят его, да? Увели. Когда вы потом его еще раз увидели?

А когда мне было уже 10 лет. В 1946 году. Когда с эвакуацией явились, в деревню приехали, мама стала искать папу. Она нашла папу в Кировской области, она поехала туда, к папе.

00:38:36

Без вас?

Да, поехала. Там закрытое, там лагерь, там военнопленные немцы, лагерь только по

пропускам. Она поехала к папе. Он прислал ей вызов, пропуск, и она поехала туда. Всё там посмотрела. Дали пропуск, чтобы нас... Она приехала в 1946-м и забрала нас, и мы поехали к папе в 1946-м году в Кировскую область, где он сидел. Там только вот... Ну, как сказать? Зона, запретная зона, вот как в Челябинской области, там же целые города и поселки запретные, и родственникам... Вот жили в Челябинске. Там подземные заводы настроены, и даже и родственникам нельзя попасть. Так вот и здесь. Ни в коем случае не попадешь. Вот мы приехали [нрзб]. А братик, восемь ему уже было, приехал, папа его не видел.

00:39:32

Так, тогда еще раз. Когда отца арестовали, увели и вы растете без папы, мама вам про папу рассказывает, не рассказывает? Фотография висит? Или у мамы другой мужчина появился?

У мамы не было, никакого мужчины не было. Она, вот говорят, декабристы, она была, по-моему, почище декабристов. Она в эвакуации одна двоих нас растила. А ой-ой-ой как ей доставалось, она ж ни одного в школу дня не ходила. На скотном дворе работала. Потом зерно, собирали зерно на машинах по деревням, она как бы сопровождающая ездила, по три, по четыре дня ее не было. Машина сломалась, зерно крадут. Это что-то. Люди добрые, но они уже, живых их нет, они хоть нам чего-то поесть [приносили], а мы вдвоем, как цыплята, сидим в комнатухе голодные. Что-то [я] говорила, уже сбил[ась]. И вот она выхлопотала. Почему выхлопотала? Пропуск. Ну, дядя Саша с Ленинграда, папин брат, помог еще тоже, как бы вызов, всё. Мы были как бы и не... У нас документов не было, что мы репрессированы, что мы там были на учете. Когда привезли в Красноярский край, на станцию, стали разбирать людей, и нас взял, дяденька взял, комендант, в общем. Нас взял, 70 километров на лошадях, 50 градусов морозы. Нас повезли тайгу, в Красноярский край. И там барак огромный, бараки, поляки. Мама еще говорила: «Вот если бы знать, как хоронили, где, чего, что, поляков». Там одни, ссыльные одни мужчины поляки были. Ой, какие хорошие. У нас занавеска, а мы на нарах, на досках, а мама на лесоповале, у-у-у, горы какие... Они что-нибудь... Дала, хозяйка этого коменданта, простынь, чтобы отгородиться, [потому] что мужчины одни там все, клетушки у каждого в бараках. Сунут чего-нибудь, это нам, целый день мамы нет. И комендант, когда я заболела, ни обувь, ни одеть, и комендант тут сказал: «Знаешь что, беги-ка ты отсюда, я закрою глаза. Ставить на учет я не буду тебя, твою семью. Беги отсюда, пропадешь со своими котятками». Он дал лошадь, дал возчика, и вот нас еще на сено, сено... Ой, это всего было. И вот мы... У меня написано всё это будет в книге памяти. Бежать. Брата-то закутали, а я за санями бежала. И вот у нас, мы, когда стали, дали справку, реабилитирована мама и мы, и фамилии, брата и меня, девичья фамилия. А когда стали [просить], чтобы нам отдельно справку о реабилитации дали, а не тут-то было. С Новгорода [пришел ответ]: «А вы не были как репрессированные». Да, посланы, всё, есть... В январе, в декабре 1941-го посланы, двое. Но справка маме была дана первая: послана она была, с ней было двое маленьких детей. Всё. Сын или дочка, имя, ничего не было. И всё, мы никто и ничто. Пришлось через суд тоже это самое...

00:43:01

Так, мне непонятна такая вещь. Как папу звали?

Михаил Иванович.

00:43:09

Фамилия?

Михаил Иванович Волыгин.

00:43:12

Его арестовывают в 1937-м. И какая...

В августе месяце.

00:43:17

Какая у него статья?

58-я. Дали 10 лет.

00:43:24

Агитация или что у него? Шпион?

А у меня есть бумаги. Как-то там контрреволюционное, что-то такое. Что он выступал, видишь, заступился за семью, когда продразверстка была. Он говорит: «Вон богачи, вы не трогаете, а это 10 человек, говорит, на поле рожают, вы всё выгребаете с подвала, со всего-всего». Валдайским начальникам не понравилось. Он за народ заступился, а получилось враг народа, против народа. Двоих мужиков напоили, и всё. И ему дали... Да, заступился отец, дедушка за него заступился. Его — расстрел сразу ему, ему расстрел. И мы никто не знали, и папа умер, не знал, что у него отец расстрелян. В книге памяти, мы когда второй том стали смотреть — обана! Дедушка тут же расстрелян. А папе дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей, ИТЛ. Исправительно-трудовых лагерей 10 лет дали ему.

00:44:29

А дедушка кем был в колхозе?

Я не знаю даже, кем он был в колхозе. Понятия не имею даже. Не знаю. Мы не видели, не знали.

00:44:41

И до войны вы в этой деревне так и жили? Или нет? Вот отца увели...

Да, в этой деревне. Мы родились здесь, в этой деревне с братом, мама вышла замуж в этой деревне за папу. Так мы и жили.

00:44:54

Так и жили. До какого года?

До 1941 года.

00:44:56

До 1941 года. Начинается война. Вот вы говорите, что ваши стекляшки от бомбежки разлетелись, вы плакали.

Да. И второе еще, можно? И еще... Ух, веки вечные, как говорят. Много случаев, что в голове держится, много-много. И еще. Через нашу деревню ночью проходили воинские, ну, отряды, так назовем, в Валдай, защищать Валдай. Раз как-то ночью мы проснулись, на печке русской спали с братом, а у нас в доме занавески завешаны, лампы со стеклом, лампы же были, и, склонившись, командиры, сколько их, не знаю, четыре-пять человек, склонившись, что-то смотрят они. Бумаги, карты, что-то. И мы... Ну всё, мама — уснуть, и мы уснули. Утром их никого не было. А другой случай. Немцы всё в Демянске летают, день летают, но вечером они всё, ночью никогда самолета нет. И когда первый раз начали летать самолеты... Ну это кратенько так. Взрослые все, что ребятишек нас собрали, маленьких на телегу, пешком — и за деревню. Поле такое. Через болото шли. Я сандаль потеряла, помню. Через болото. Там бабки наставлены со снопов и вот на этом поле сушится. А два самолета вот так вот над нами прямо, чуть ли не это... Потом взрослые это увидели в деревне, бросили деревню, думали, что немцы, самолеты бомбить, чтобы дома спасать, думали. Они всё бросили и побежали, увидели, что самолеты над полем, где мы, над полем летают. Полетали и улетели. Так потом говорят, что смеялись-то, наверное, скажут: вот дураки, головы-то в снопах, остальное-то всё наружу. Бабушка нас деревенская... И тряпки висели, сушили наши юбки. Не тронули. И мы, когда нас вернули, улетели, не трогали ничего. Опять самолеты летать. Деревни, деревня днем пустая была. И мы недалеко убежали. Мама нас в бане, за баню спрятались. Вот это я ребятишкам рассказывала, в кинотеатре было как раз, дети были, и взрослые были. Смеялись. «Хотите, я смешной случай расскажу?» — говорю. «Ой, давайте, давайте». Не знаю, что-то они всегда тихо слушали меня. Я говорю: «И побежали, кто куда, кто успел. И нас мама за баню, за баню завела. Несколько человек было. Самолеты летают, а они-то выглядывали, что самолеты летят. Может, немцы пойдут, раз Демянск занят, а мы-то через дорогу рядом. И нам надо выглядывать, ну и я как это. Мама раз сказала: “Уйди. Галя, уйди”. Другой раз. Мне всё равно. Она меня там... А там [за баней] крапива такая. А ведь раньше же только платье, больше ничего. Как я в эту крапиву! Как я орала!» Они смеются. Все, самолет, ну, пошли, самолеты улетели. И вот мы идем, а уже как бы темнеть, ночью не летали. Идем. А у нас во дворе стоит кухня походная, и туда заходим. А внизу на первом этаже сено настлано и там солдатики. Ну, места-то мало всё равно. Второй этаж — а там командиры тоже. Я реву, у меня всё в волдырях, и руки, и лицо, и всё. И вот и эти... Мама... [Командир говорит]: «Да что случилось? Что случилось?» Она на кухню нас туда с братом-то повела, видимо, свела поесть. Видимо, она им сказала. Они так хохотали. А мне стыдно было: смеются надо мной. Вот они пришли на кухню и начали меня: «Умница, умница. Ты посмотри, своим криком распугала, самолеты-то улетели, больше не прилетают». И вот тогда я получила шоколадку, которая не конфета, шоколад. Долго, долгое время я не видела, что такое шоколадка. Вот я была, как говорится,

награждена. Я рассказала такой случай, ребятишки смеялись. А потом, вот еще, днем... Ну почему? До сих пор вот мы всё... Почему? Солнечный день. Конница. Какие лошади! Эти в гимнастерках, только-только. И женщина. И они по деревне днем.... Только по ночам все вот эти передвигались-то. Они днем, солнышко, от одного края деревни, ворота с другой деревни. И шли. А мы, ребятишки-то, ой, ой, все это самое. Еще даже у меня цветочки были в букете. Я даже вот так ручонкой-то, и взял он эти цветочки-то. Он еще как-то вот рукой-то мне это самое. Тихонько шли, не торопились. Они за деревню — мы все, взрослые, дети, вслед за ними. Ворота закрылись, мы все на изгородях, на воротах. Со стороны Валдая. Шли на Валдай по дороге, что вы ехали, она выходит вот Костково-то. Видите Костково? Проезжали, это деревня. На Валдай они, вот туда. Два самолета. И как пошли строчить, как развернулись! Так вот ведь что: я могла от немцев умереть не один, не два, не три раза. Они что? Конницу-то всю, строчат из пулемета, врассыпную, кто там, сараи такие разные, за домом. Мама нас, дом недалеко, в подвал нас туда. Еще ребятишки были. Ведь они ни выстрела не сделали по деревне. И нас бы на этой изгороди, мы не успели бы никуда. Они как, со стороны Демянска, оттуда, как коршуны. Так знаете, сколько? Это русские предатели. Это были предатели, сообщали, где кто находится и кто когда идет, какие части. Поэтому по ночам. Почему? До сих пор неизвестно, почему они днем шли, конница. Почему через деревню. И вот когда ржание, когда уже немцы улетели, развернулись еще над деревней, ни бомбочки, ничего абсолютно, не было, ни одной деревни не разбито вокруг Валдая. Ни одной, и в Валдае тихо. И Демянск, были немцы спокойные, не разбит. Женщина живет там, жила в Демянске. И когда взрослые сразу побежали... Вот это ржание раненых лошадей, неубитых. И людей раненых. И вот когда стали, нашли потом вместе с лошадей — дяденька с этим букетом цветов. И стали вот этих раненых возить, в сельский совет, в школу. Ну у нас мама попросила тоже, взрослые-то, с Валдая машины, кого куда чего. Нас попросила, за нами. И мы вот в школе. Они на полу лежали, раненые, стон. Я никогда, я не рассказываю, ребятишкам не рассказываю это. И бабушка... Пошли за ранеными, водички, водички, попить просят. Бабушка говорит: «Поддай, снеси, Галенька, снеси водички-то, снеси». Я понесла. А тут смотрю — женщина. Гимнастерка, всё, ну грудь, женщина. А лицо — красная вот так тряпка на лице. Ничего. И за руки-то берут, за руки-то берут: «Доченька». А Генка-то еще меньше меня. «Сынок». А тот любил, какие-то бормочет песни, какие-то стихи, чего-то говорит, ходит-бродит. И вот у меня... Взята была за руку. А я уже пишу, слезы, бабушка говорит: «Ну где ты там? Давай, водички просят». А у меня уже это. Она меня искала, лежат все, идет: «Чего?» А у меня уже рука синяя, мертвая хватка, как говорится, человек уже [умер]. Ну детей, детей, как говорится, любили. И вот эти руки, какая настоящая кровь, не тоннами кетчуп, вот кино ставят военные, сами из головы придумывают всякую эту фигню. Как в «Т-34», мамочки родные! Да что ж это показывают-то такое? Как это так-то? Не отмыть было, как кровь-то эта присохшая вся была.

00:53:44

Галина Михайловна, а когда вас из этой деревни эвакуировали? Или вас не эвакуировали?

В 1941-м году. Посадили на лошадь зимой и повезли в Валдай, где костры, где людей, тысячи там всё это ждали. А утром подали телячий вагон наскоро.

00:54:01

Подождите. Это была эвакуация? Или это была депортация? Вас выселили или вас эвакуировали?

Нас эвакуировали.

00:54:13

Всю деревню?

Почему всю деревню-то? Там четыре, четверо были как бы посажены, но мы отдельно. Это потом мама нашла их, мы отдельно, нас на лошадь посадили...

00:54:24

А почему вас эвакуируют?

Мама родная! Что ж я говорю-то час или два? Потому что семья врага народа. Папа в 1937-м был, враг народа. Семья врага народа. Как же? А немец-то подходил, вот он был. А вдруг мы что-то, какую-то расскажем, тайну какую-то выдадим. Шесть лет и четыре не было. И мама ни одного дня в школу. А вдруг мы выдадим что-то, что немцы, русские ждали, что немцы займут. Вот, всё. Деревни там ни одной не заняли. Займут. И всех... Семья врага народа. Он враг народа, 58-я. Всех. Миллионы, миллионы, миллионы людей, какие по регионам, по областям разгоняли, а мы вот попали. Вон эта женщина в Ярославскую область. Кто куда. А мы вот

попали. И в Красноярском крае, между прочим, у нас и в Окуловке есть, которые были раскулачены, высланы именно. И родились там, вот они репрессированные считаются, раскулаченные. И родились в Крас[ноярском крае]. Но тогда высланы были отец и мать. Раскулачивали. Семью выслали. И в Канском районе, о, Канский район, да, Канский район, мы там были. В тайге вот они были. Но они жили, мама, папа, и они там и родились, как бы их родина. Ну а мама, папа были. Война началась, все ж кулаки вернулись. А вот политических всех из страны, как бы подальше, подальше куда-нибудь, чтобы там бы сгинули, да и всё.

00:55:52

И вы помните, только вашу семью из этой деревни отправили или еще были?

Вот этого я не знаю. Потому что говорили, что четыре, что четыре семьи должно быть, четыре. А кто...

00:56:03

Как вы ехали, помните?

Мы на санях. Да неужели не помню? И на санях, солдаты с винто[вками] у порога стояли, пока люди собирали, нечего собирать-то в чемодан. Мама ревела белугой. Она сказала: «Мы к папы». А мы, ребятишки из деревни, а мы к папе, мы к папе едем. Два солдата с винтовками у порога. Посадили в сани. Что люди бросили в чемодан...

00:56:25

А что вы, кукол своих взяли? Кукол взяли своих? Или что-то взяли свое?

Вы не слышите. У меня стекляшки были, а только кукол никаких же не было. Тряпочки и вот эти игрушки по деревне, какие стекляшки. Ничего не было, ничего абсолютно, что такие куклы или какие-то еще игрушки, или что, я же говорила. Ничего абсолютно.

00:56:47

Хорошо. Посадили куда вас солдаты эти? Как это происходит?

Посадили на сани, на розвальни такие. Двое солдат, мама и мы, ребятишки. Чемодан, что там люди собрали, я не помню, что там. И привезли на станцию Валдай. Валдай — станция маленькая же, люди там, а на улице костры, бог знает куда. Там караулили, как немцы, как говорится, у нас русские, русские караулили, чтобы не сбежали никуда. Хотя сбежали, вот умерла только девять дней, сегодня, господи, девять дней, сегодня 18, да, исполнилось. Их в Ярославскую [область отправили]. Могли, могли, сбежали, как говорится. А там караулили. Всю ночь, утром подошли телячьи вагоны, много составов, телячьи, как называли: ворота большущие, наскоро сколоченные нары, неотесанные доски. И вот начали по вагонам, сколько чего, заселять. Ни печки, ничего не было. Заселили и повезли нас. И подбирали еще по другим, по другим областям подбирали, набирали эшелоны. И тоже везли, гудок длинный — ой, эшелон длинный — значит, самолеты немецкие летят. Поезд останавливается, паровоз. И вот кино показывают, я говорю, это всё фигня. И все с вагонов, на насыпь, кто как вылетали. Улетели, ни разу не сбомбили. А ехали — столько разбитых эшелонов было, ой, даже взрослые говорят: «Посмотрите, бушлат, штаны ватные». Разбитые эти эшелоны воинские. И вот в одном из воинских эшелонов, уже стали болеть, замерзать уже люди, три — мама и две женщины, они остались, чтобы печку добыть, с разбитых воинских эшелонов чтобы добыть печку. Долго поезд стоял, уехали. Ни мамы, ни этих двух женщин нет, три дня их не было. И догнали наш поезд уже, военные помогли, военные. Вот такая бочка, железная такая большая, дырка, чтобы туда, в крышу это поставлено, и тут вот дрова куда. Нары, нары сжигали, теснились все, что как, и сжигали всё. И вот случай тоже, что так раскалили докрасна эту печку, вагоны-то огромные, ворота-то закрываются, ведь скот возили и сейчас-то возят, вагоны-то. И вот тоже тогда. Правильно, в книге, я говорю, ну не так написали, что насекомые, как говорится, люди не стеснялись, ехали. И вот дедушка тоже, что спиной упал. А он стоял и в брюках искал свое, [нрзб] там всё. Поезд долго. И поезд тронулся. И на раскаленную [печку] вот он сел. Ржание этих раненых лошадей перебил вот этот крик, вот этого дедули крик, нечеловеческий крик. У него всё мясо... И вот он лежал на полке. У меня братик, он лазил, везде, всех этих, и около него всё сидел, что-то бормотал, а он днем и ночью — стон. На животе. Днем и ночью. Не помню я, как, чего его, он умер всё-таки. Где его, где, на какой станции его [похоронили], кто взял, закопали где и чего. Вот этот нечеловеческий крик. Но опять-таки ни один самолет ни бомбы не сбросил. А я и говорю: значит, не было предателей. Мы ехали, не было предателей никого, чтобы восточку, что вот тут едет сколько народу, бей. Вот так же, если бы они на поле, в снопях где мы были, только бы разок бы пройти — и осталось бы так бы красное, не трава, а красное мясо от нас, от детей, так, как от конницы осталось. Долго развозили, нас не допускали. Развезли их, где они хоронили лошадей, в Валдай увозили все эти, где убитых, где...

Мы этого... Нам ничего не было сказано, но долго не ходили. К Валдаю дорога, там на кладбище какая трава была, красная.

01:01:18

Куда вас привезли?

В Красноярский край, станция, в Канский район.

01:01:26

В Канский?

Станция Солянка. Да, в Канский район, станция Солянка. Привезли, я уже говорила, и начали разбирать люди, ну как их назвать, которые разбирали под расписку, подавали людей, выдавали людей, куда, на какой скотный двор, куда работать. Нас взял... Почему он взял? Потом вот отпустил, комендант. Почему он взял? Мы потом, я слышала разговоры взрослых, что всё-таки женщина, двое детей, никуда не денется. И ее поставили, на лесоповале ее поставили поваром.

01:02:08

Маму?

Да, маму.

01:02:09

Самое время представить маму. Как ее фамилия, имя, отчество?

Волыгина Ираида Ивановна.

01:02:16

А когда она родилась?

Она родилась 13 сентября 1913 года. Папа [190]8-го, а мама [19]13-го. Папа 28, [то есть] 14 октября, папа 14 октября, по новому 14 октября, 1908 года. А мама 18 сентября 1913 года.

01:02:38

И вот в этот Канский район, как деревня, еще раз, называлась?

Откуда я знаю, как называлась? Нас привезли в тайге, в тайге, одни поляки жили.

01:02:48

У мамы статьи не было, ее просто как...

Никакой статьи.

01:02:52

Никакой статьи не было?

Никакой.

01:02:54

И взял ее комендант.

Да, да. Нашу семью, нас взял, видишь, 70 километров от станции в тайгу, в глушь.

01:03:04

В этом поселке куда вас поселили? Или вы прямо в этой комнате, в квартире у коменданта жили?

Я уже говорила.

01:03:11

Еще раз расскажите.

Мы жили в бараке, в огромном бараке, где жили поляки, мужчины.

01:03:16

Как вы поняли, что это поляки?

Ну говорили же, и мама говорила, и всё они не на русском языке говорили, и мама говорила: «Если бы кто-то спросил, где поляки похоронены были бы, поляки, она бы много-много-много бы рассказала, где чего и как они там».

01:03:36

А вы помните их, этих поляков?

Помню. Мне почему-то мама говорит: «Да ну, Галя, ты не помнишь». А мне казалось, ну господи, чего мы, сидим на этих, из досок сколочены, мы трое и спали на этих нарах, отгорожено, простынь дали. Общий коридор такой длинный, и у каждого своя ячейка, своя комнатка, как говорится, жили. Я говорю, что они идут мимо, и кто-нибудь простынь [отодвинет], и нам подадут кусочек хлеба, чего там есть, подадут нам это. Молча, но они по-русски не разговаривали, не говорили. Поляки, поляки, и мама говорила, они на русском языке не говорили.

01:04:18

И только мужчины?

Одни мужчины, одни мужчины.

01:04:23

В этом бараке с поляками сколько времени вы живете?

Вот времени я... Недолго, а сколько, я не могу сказать. Недолго, потому что... Не могу сказать, сколько мы жили, потому что... Не могу сказать. Год мы жили там, наверное, потому что зимой, зимой нам разрешил комендант, маме сказал, что «давай-ка я закрою глаза, не буду ставить». Вот он не поставил на учет, нет нас, как говорится, и всё. Дал лошадь, дал сани, нас привезли на эту же станцию. А я руки, написано там всё это, перчатки, рукавички потеряла, я ревела слезно, а меня «беги, беги, беги». На вокзал тогда приехали, и меня там — к печке руки-то, я вообще там зашлась криком: горячее, отмороженные руки. А вот этот тоже, нет его уже живых, царствие ему небесное, начальник станции, он тоже, что я ору там, кричу, он пришел: «В чем дело? Ну кто сказал, кто заставил ребенка к горячей [печке]?» Он вывел на улицу и снегом мне, снегом растирал руки мне. И разрешил, мама, как там разрешил, я не помню тоже, две или три ночи, что маме надо найти где-то жилье, самое главное, что жилье где-то, чтобы нам куда, а потом уже работу, она на скотном дворе устроилась, а мы там такая какая-то, не знаю, сарайчик, не сарайчик, потом-то мама комнатку нашла, перешли в сарайчике в этом при скотном дворе, она на скотном дворе работала.

01:06:09

И это не Канск? Или это Канск?

Это Канск.

01:06:11

Канск.

Да. Это Канский район.

01:06:14

Тяжело от света, голова заболела?

Не-не-не, а я не смотрю, нельзя, иначе у меня больше, эти самые.

01:06:21

Убрать свет, поменьше сделать свет?

А я боком, я на него [не смотрю]. Как вам, вы делаете, как вам, вы делаете как вам. Вы

делайте, как вам.

01:06:30

Хорошо.

Я вот ваши лица не вижу, я вот говорю, я ж лиц не вижу, у меня белые звездочки мелькают и всё.

01:06:39

Эль, я думаю, что нужно прибрать, потому что...

Дана первая группа, ни операция, ни лекарств, ничего-ничего, дистрофия сетчатки, когда вот я... Глаза с середины, черные вот эти вот, я не вижу лиц, когда расползется вот сюда, в один раз могу вечером лечь, утром встать и могу долго-долго еще, но сказали, в наклонку ни в коем случае, тяжести, нервничать, и от света, от солнышка беречься. Глаза чтобы. Я немножко с этими зубами, а им же свет надо тоже, я говорю, вы уж извините, я глаза закрою. Я раз как-то смотрю на свет, пришла — ой, мамочки, потемнели. Ой, люди добрые, не дай бог. И «забудьте прошлое», нам молодые советуют. До 20 лет не было, нормально, с 20 лет, 21 год, когда с Челябинска уже приехали в Боровичи, тут уже основательно, окончательно, с 1957-го года, 21 год мне было, замуж вышла.

01:07:47

Подождите, в этом Канске уже, когда мама устроилась куда работать, когда вас?...

Она на скотный двор устроилась.

01:07:57

На скотный двор. А вы как с братом живете? В школу пошли? Или не пошли в школу?

В школу, я могла уже в школу, мама уже потом нашла комнатку, она уже тогда работала, она хлеб, они ездили по деревням, собирали в машине зерно, уже у нас комнатка была. В школу я никаким образом не могла пойти, потому что ни одеть, ни обуть, морозы 50 градусов, детей водили и возили [нрзб], и маленьких, и всё, и далеко, где она комнатку [нашла]. И ей было ни одеть, ни обуть, ни купить ничего этого, никаких школьных [вещей], и разговора о школе даже и не было. Если другой раз по три, по четыре дня ее не было.

01:08:48

Ну а чем вы занимались целый день? Вот вам шесть-семь лет. Что делаете?

И восемь уже было. Бегали, бегали с ребяташками. Какие там поля этих пионов! Красные! Но они просто четыре листочка, не такие, как эти пионы выведены всякие разные. Запах! Вот я до сих пор, пионы я не могу, которые уже выведены, запах у них, я не могу запах этот, какой резкий запах! Ходили, рвали там всё. А сколько лилии! Вот эти лилии, сейчас дикими их называют, они такие, завитушечками такими, они на длинной палке и рябенькие такие, лилии. Они саранки назывались, саранки. Мы ходили на эти поля, копали эти саранки, сейчас кто бы сел, как мыло, доставали вот эти, не кортовины, как они, семена-то, как они сажают, доставали, а они так вот по кусочкам, я сажала здесь, по кусочкам. И мы вот это ели. Там поля, поля. И вот мы бегали, гуляли, играли, носились.

01:10:03

Мама давала вам какое-нибудь задание, сколько ягод набрать, грибы?

Нет, это когда уже мы в Новосибирск, в ссылку, вот ягод, вот тут задание, когда расчистили...

01:10:14

Так, подождите, подождите, давайте по порядку.

Здесь нет, никаких ягод, ни грибов.

01:10:17

Сколько времени вы вот в этом Канске?

Четыре года.

01:10:20

Четыре года?

Да.

01:10:21

Война закончилась?

Да.

01:10:23

Как узнали, что война закончилась?

Ой, как это интересно... Как это узнали, что война закончилась, все люди знали, а мы не знали?

01:10:32

Ну вот вы помните, как это произошло, по радио слышали, как это отпраздновали?

Понятия не имею, понятия не имею.

01:10:37

Не помните?

Не помню, не помню, не помню, не помню. Единственное, когда начала мама ходить везде, ездить в Красноярск, к начальникам, сюда и сюда, хлопотать, пропуск, чтоб выехать, война закончилась, чтобы выехать можно было домой. Дядя Саша с Ленинграда подключился, бумаги, не знаю, какие бумаги, понятия не имею, но мама сама везде ездила, ходила, добивалась, и наконец-то помогли опять военные, мы в вагоне как-то ехали с военными оттуда, с Красноярского края, какое-то время, они едой помогали, что приносили, давали. Вот с ними мы ехали, и мы приехали в деревню.

01:11:28

В какую?

Костково. Где родились, туда и приехали, в этот дом, как я говорю, всё разбито, ни стекла, ничего.

01:11:36

К себе же вернулись, в свою же деревню?

Костково, в свою деревню.

01:11:40

Откуда вас увезли?

Где и родились, да.

01:11:45

И этот дом уже...

Ну, гнилое всё, всё гнилое, а куда жить пойти? Там двор был какой-то, у бабушки был, всё на дрова, всё на дрова, откуда... Не думали, что мы вернемся, и с маленькими ребятишками, и маму знали, она деревенская, неграмотная, чего... И в такой, бог знает куда, да и не знали даже, куда и где. Писать некому было. И мама вот начала. «Иди в колхоз». Она говорит: «Я не была колхозницей, в колхоз». — «А тогда земли не дадим». И под крылечко, даже крылечко. Мама сажала у знакомых, у папиных дальних родственников там огород. Иди. Она пошла в лесхоз поваром. И то же самое, рано уходила, темно, и приходила, темно. И мы и сидели вот.

01:12:33	И у себя в этой деревне, Костково, вы тоже не пошли в школу? Пошла, я пошла в первый класс. Это мне девять лет уже, девять лет уже было, пошла в первый класс, в первый класс пошла. И второй класс, и второй. И второй класс, да, потому что мы в Новосибирск приехали, мне надо было в третий класс идти, а такая глухомань, где папа был сослан, за городом деревня. Такая глухомань была, там никакой школы не было. Я уже говорила. Мама начала хлопотать, чтобы папе разрешили в поселок Северное.
01:13:07	Подождите, значит, теперь я расскажу, как я поняла, а вы меня поправите, если я поняла неправильно. Вы вернулись в свою деревню. Дом разбит. Мама в колхоз. Не разбит. Зачем он разбит? Он сгнил уже, полугнилой, был у той бабульки куплен. Рам нет, стекла выбиты. Чего он без хозяина? Дверей нет. Пол уже сгнил, проваливался.
01:13:31	И мама стала искать отца и нашла, где он находится. Да.
01:13:34	И решила ехать туда, к отцу. Решила съездить, всё это узнать. Но он написал.
01:13:40	Без вас поехала или с вами сразу поехала? Я уже говорила, с нами поехала. Без нас поехала узнать, где он, чего он и что он. Может, семья, может, чего, 10 лет прошло. Одна поехала. Папа прислал пропуск ей, и она с этим пропуском поехала в Кировскую область.
01:13:58	Так. А потом она взяла вас к папе поехать? А потом она приехала тут же в этом 1946-м. Приехала уже с пропуском, собрала нас, и мы поехали.
01:14:08	Как поехали к папе? На чем? На поезде поехали. В Валдай на чем? На телеге, на чем, я не помню, на чем до поезда. А там на поезде.
01:14:20	На поезде уже в человеческом вагоне или опять в теплушке? В человеческом. Мы в человеческом ехали уже с Красноярского... После войны-то ехали уже с Красноярского края, в деревню-то, в нормальных вагонах.
01:14:32	Хорошо. Никаких. Телячьи — это уже развезли, людям раскидали по всем. И они, конечно, эти телячьи вагоны уже пошли для скотов.
01:14:41	И как вы папу снова первый раз увидели? Ой, это мы приехали, где выходить надо. Там только по пропуску. И вышли, мы вышли, и мама говорит: «Да где же, где же, где же, где же?» Пожитки там какие были. И идет дяденька, он небольшого роста, ну и мама, мы все маленького [роста], и Генка, брат-то. Идет такой, он симпатичный, папа, у меня, чего говорить. Он такой. И идет. И я почему, что это — она

смотрит на нас, ну Генка-то... Меня-то видел, знает, а Генку-то он и не видел. И он смотрит-то, и мама тоже улыбается и поглядывает так на нас. И мы тоже, я смотрю, Генка ко мне как-то так прижался, что улыбается идет мужчина, но с ним еще мужчина шел. Ну он как бы на вольном поселении, но срок у него еще, паспорт не получен, с ним еще шел мужчина, и вот мама говорит: «Ну а чего вы стоите-то?» Нам говорит: «И что вы стоите-то?» Ну мы, конечно, тоже стояли, и я тоже, когда он подошел уже. Но он почему-то в первую очередь Генку, но он не видел его, и он меньше меня-то был, он его обнял. Я-то, он фотокарточку-то со мной через все огонь и воды с собой пронес, как он хранил [это фото], где я маленькая с мамой-то, это фотокарточка вот эта. А потом уже он заплакал, он заплакал и меня обнял. И вот сели, когда сели в поезд, как-то было, я не знаю, как вот такой какого-то... Ну непривычно, что ли, жили без мужчины. Сели в вагон, и когда мама на улице и папа с этим мужчиной стояли у вагона, разговаривали, я уронила носовой платок в окошко-то. И папа быстро-быстро, как-то он шагнул так, я молчу, ничего, шагнул так, поднял — и он первый раз сказал: «Возьми, дочка, и не роняй». Так мне [сказал]. А мне тоже как-то и не[удобно], ну 10 лет, а уже такая, господи, барышня, неудобно так. Вот мы приехали, а он на вольном уже был, такая комнатухечка, одна его кровать стояла. Ну хорошо, хозяйка, у кого он снимал, пустила нас на ночлег. И вот так и стали [жить]. И в школу, и в школу за три километра надо было ходить. И школа находилась... Сначала в школу ходили. Полтора года мы жили с военнопленными немцами. Ну, Вятлаг, вот это поселение, только лагерь, где сидели, и кто обслуживал этот лагерь, кто в лагере сидит, обслуживающий персонал. А остальные за четыре километра Соцгородок назывался, Соцгородок. Вот там был клуб, там был стадион, ну редко мы туда, там мероприятия какие-то, больница там была. Мне вот пришлось, что воспаление легких. Больница, это отдельно. Ну там узкоколейка ездила, возил. Вот говорят, сколько доброты, доброты, человечности, и я узнала, что такое культура, 10 лет, что такое [культура] — это от военнопленных немцев. Вот это не кривя душой. Когда были немцы, проходная, где сидит пропускает, могли ребяташки переползти через порог, двери открыты были, и шли в зону. А им посылки. Я была вообще как кукла, папа работал, был банно-прачечный комбинат там, и баню ходили в зону, там какой кинотеатр-то, именно кинотеатр в зоне. Какие концерты-то ставили немцы! Женщинами переодевались. Я первый раз увидела, когда разрезают пилой ящик с человеком, там я увидела. Потом в кино ходили туда свободно все, потом папа подговоренный был часы в карман положить, фокусники какие они все! «Ну где, ну [у] кого, признайтесь, у кого, кто часы взял? У кого, признайтесь». Потом папу пытали, как «папа, ну тебе заранее» [нрзб] уехали все, конечно. «А я знаю, у кого. Я знаю, у кого. Вот молодой человек сидит, молчит, ничего не говорит, а ведь у него часы». И он по рядам пошел. Все были, в этой зоне считай жили, конфетами карманы были [набиты]. Шили как они, и обувь, и одежду. Полтора года. Но показывают, как немцы издеваются, как немцы издеваются над русскими, это, конечно, говорить... Как над немцами... Но это уже другое, особенно дети, ребяташки наглецы.

01:20:26

Издевались над немцами?

Да.

01:20:27

А как вы издевались?

Мы? Да я дралась, я не знаю, я дружила с мальчишками, я девчонок [нрзб] не любила и мальчишек наглых, которые вот сейчас, когда дерутся, я бы, не знаю... Я везде, даже взрослые... Если рассказать, как мы ехали с Магнитогорска, с хлебоуборочной, в вагоне 50 человек, и как подсели два пьяных парня и что там было, месиво, это что-то. И я, и меня, все ребята за меня. Девчонки: «Она видела всё, она видела всё, вот Галья всё видела». Да, видела, с поганого ведра их, чтобы они очнулись, визжали, кричали. Да. А все ребята, чтоб... «Ничего она не видела, ничего». Я и чемоданы открыла, переодеться им. Они на суде были, а я не была на суде. Не любила я, пискли какие-то чего-то. И здесь я всё время, мне попадало. Я заступалась, я заступалась всё время. Я не могу даже и здесь, как дерутся — я обязательно сунусь. У меня, царствие небесное, в Боровичах: «Ну твое ли дело, чего ты суешься? Ну бьют же. Ну как это, бьются, тебе и попадет». Как у меня, у сына нос сломан, и попало.

01:21:48

Подождите, до сына еще мы не добрались. Вот эти немцы, их за пределы лагеря выпускают или нет?

Обслуживали, они даже у начальников, я сама вот, девочка, приглашали ночевать, как бы ночевать, они с детьми, военные, начальники, в лагере которые были, им куда-то чего-то надо по работе куда-то, они как бы обслуживали, участвовали в этом. И баня, и стирка, всё-всё-всё. И контора была там, всё в зоне было.

- 01:22:24 **А вы как-то между собой общались? Или они начинали уже по-русски разговаривать как-то или вы понимали?**
- Нет-нет.
- 01:22:31 **Нет, никак? То есть просто вот жестами объяснялись?**
- А чего нам объясняться? Они только, как в кино, идешь, они прям обхватят, трясутся: «Комрад, комрад, комрад». Товарищ, друг. Конечно, дети были...
- 01:22:50 **Вы их не боялись? Что они фашисты, убийцы?**
- Да правда и есть, это самые настоящие нормальные люди были, никакие не фашисты, не убийцы. Они бы, наверное, и в плен не сдались бы, воевали бы и убивали бы, продолжали. Нормальные, нормальные люди, но опять-таки считать: всё-таки они военнопленные. По-другому-то как и[м себя] вести-то? Ну-ка обидь ребенка или что-то, нельзя же, об этом даже и речи не могло быть. И потом у них же свои тоже дети. Полтора года жили как в сказке, а когда их на обмен и когда другой контингент, контингент [привезли] в эту зону — все ворота на замок, и никакого кино, никаких бань, никаких прачечных, ничего, ни концертов, ничего. И пришлось, три километра ходили в школу через поселение немецких семей, тоже ссыльные. Национальность.
- 01:24:01 **Но это русские, это уже русские немцы.**
- Это русские, это немцы. Так же сосланы по немецкой, по национальности, семьями. Только женщины, только женщины с детьми. Это люди, это тоже поучиться у них культуре и всего, как в кино показывают, они только, говорю, как это — руки, потом лицо мыть, с детьми, такие культурные, такие люди, это вообще что-то. Поэтому говорят: ты не обозлилась. У меня как-то больше хороших людей, больше хороших людей попадалось в жизни.
- 01:24:44 **Галина Михайловна, когда немцев по обмену, их увезли, привезли наших военнопленных?**
- Нет, зачем наших военнопленных? Всякую сбродь.
- 01:24:53 **Уголовников?**
- Конечно.
- 01:24:55 **Это была мужская зона или это была смешанная?**
- И мужчины, и женщины были. Да, всё было.
- 01:25:05 **До какого года вы были в этом поселении?**
- В 1949 году всех собрали, паспорта ни у кого, кто освободился, паспорта не выдали, в ссылку. В 1949-м, это где-то я в пионерском лагере была, меня мама встречает, где нельзя, пропуском, встречает, женщины, плачет, чего мама плачет? А потом ребятишки, родители им сказали, встречали своих детей и сказали, что отца, увезли отца, мне. И я тоже это не знала ничего, заплакала. Их собрали и вот Новосибирскую область, в ссылку в Сибирь, в глухомань. Это было в июле, в июле, да, а зимой папа написал, только зимой, дорог нет, можно попасть на лошадях только зимой, и зимой мама нас в конце декабря, в январе повезла нас к папе туда в Новосибирскую область. Приехали на станцию Барабинск в Новосибирской области, а оттуда уже от деревни к деревне на лошадях пробирались, добивались туда. Потом ссыльные дороги построили, расчистили для самолетов, приезжали кукурузники маленькие, вот где ягод-то, вот где земля-то.

01:26:28

Отец, когда вы приехали к нему на первую зону, уже был на вольном поселении, он уже был, ему добавили срок за что-то?

Нет.

01:26:35

Почему его туда отправили на ссылку, в Новосибирск?

Освободились, паспорта не выдали, освободились, собрали... Ой, там с разных, приехали когда уже в поселении в Северное, ой там какие жены, начальники, большущие начальники, папа ладно, счетовод, какие начальники-то были забраны все, 1937 год-то, под катушку, умницы какие. Я всё говорила: война быстрее бы закончилась, если бы в 1937 году [не] опустошили столько молодых, здоровых. И больных брали, и больных. А сколько книг было? Нет ничего. Сколько кино показывали? Нет ничего, всё уничтожено, всё закрыто. Какие были инженеры, ученые, а жены-то к ним в Северное приехали потом. Я говорила: рядом — не сорвет она, за деньги, деньги некуда было. Приезжали к ним. Ну и чего? В эту глухомань приехали, в эту деревню. Школы нет.

01:27:39

А вы успели закончить уже четыре или пять классов уже точно?

Нет, я закончила два класса только.

01:27:47

Только два класса?

Только два класса. В третий класс в деревню надо было ходить, в третий класс, а там нету... Мама опять, мама, это мама, мы за счет мамы, у нас сохранилась семья и мы живы остались за счет мамы, ее характера, ни дня она в школу не ходила. За счет мамы мы живы остались и семья сохранилась у нас, и папа никуда ничего, мама везде искала, где он. Семья сохранилась только благодаря маме, папа у нас очень спокойный был такой, он спокойный, не пойдет никуда, мама у нас была. Здесь я пошла и здесь я закончила семь классов, днем училась, а вечером... В дневной... Сталин умер в 1953 году...

01:28:40

А расскажите, как это было? Как вам объявили об этом?

Когда объявили в школе, я даже запомнила, Маевский, так у меня свидетельство, семь классов-то, Маевский, это директор школы был, высокий такой дядечка, красивый. Мне уже 14 лет. Дядечка был. Урок был. Урок был, по-моему, да, и объявили, чтобы все классы вышли в коридор, а там стоял бюст Сталина. Вышли в коридор, я не помню только, или сам Маевский... Но он так плакал! Прямо вот на голос. Кто, вот я не помню, объявил, что Сталин умер. Вы бы видели, ребяташки, господа, они не знают, что такое ссыльные. Галка ссыльная, Генка ссыльный, что такое ссыльные, они ж не понимали, дети. Там так люди жили, там же дома землей крыты были, там ни досок... Коровы на огороде жили, ни сараев, ничего, а ягоды кругом — бери и рви, рядышком. Как и в Кировской области. Клюква, брусника, на болоте построен лагерь-то, папа говорил, бочки с селедкой поставят — ешь. Штабелями умирали, в болотах хоронили людей, кто выживал, а кто [нет]. Как это, Сибирь какая плодovitая! И чего я говорила?

01:30:22

Сталин умер.

Вот, да, Сталин. Какой рев был! Какой рев был! И я плакала. Ну я и сейчас, если я слезы увижу, кто-то плачет, даже кино или ребяташки, всё, у меня уже всё. Песню какую-то жалостливую, жалобную. И я тоже, и я редела. Но отчасти, как сказать, потом уже взрослее стали, так же, как Путину одному ничего не сделать, так и Сталину одному... У него такие были, тот же этот, ежовщина называли, ежовщина, кругом окружали, без него всё делали, делалось, хотя он много после войны, как люди жили, всё восстанавливали. Ну я говорю, что ревели, он так плакал, так он плакал, директор школы, и все тоже плакали. Ну и потихоньку-потихоньку — и всё как-то. А тут Хрущев, умничка, царствие небесное, и начал выдавать паспорта репрессированных, реабилитировать. 58-я. Реабилитировать, закон такой издал, и стали выдавать паспорта.

01:31:43

Отцу выдали паспорт и маме выдали паспорт? Или у мамы не было паспорта?

У мамы был паспорт, почему?

01:31:49

Отцу дали паспорт?

Да, папе в 1953 году выдали паспорт. Он работал, как потом в Боровичи приехали, он был, на кадрах работал. Там вот домик построили, все люди ходили как папуасы, смотрели, как это с досок дом, с досками крыша, как это, коридорчик, туалет не на [улице]. А у них на улице, плетенки на улице, туалет. Вот ягод-то! Клубники поля. Нам даст мама задание, когда расчистили поляночку, чтобы мог кукурузник, маленький самолетик прилетал, конечно, обогащались. Ягоды скупали. Ну и привозили, кому чего надо, заказывали люди, самолетики эти с Новосибирска, с Барабинска, с Новосибирска. Вот ягод-то, мы ищем, настоящая клубника. Вот здесь я купила, была у меня на даче настоящая, сиреневая, сладкая-сладкая, а это всё земляника, все эти клубники, сто с лишним, сто сортов, это всё земляника, не клубника. Вот настоящая. Мы выбирали. Нам надо до обеда по ведру и с обеда по ведру. Ходим, топчем, ищем, большие которые чтобы нам выбрать. Сморода — как вишни. Тют, речка вокруг, папа лодку сделал сам, смороде собирали ведрами. Малина! И вот мы всё удивлялись. Я не продала ничего, мама продавала, мама, и куда-то надо бежать, Генку поставит, о-хо-хо! Такой он был у меня, царствие небесное ему, [нрзб] умер. А я никогда. И идут вот эти жены. Деньги некуда девать, купят. Местные не покупали: своего [полно], а вот эти всё ссыльные. И мы на эти ягоды... Даже черемуху покупали. Малина, ну это вообще что-то. И мы... Папа на волах, потом он вот этим был, на кадрах, начальник кадров, работал на волах, вола там были, быки вот такие, вола. Сосновые бревна, и вот домик у нас — есть фотокарточка, — построили домик, одна комната, кухонька маленькая, комнатка одна, мы были [нрзб]. И крылечко заходить, и там туалет, на крылечко заходишь. Ходили все смотреть: как это так, как это так — рядом туалет? Вот тут дверь заходить на кухню, а как это — туалет? Потому что там этого [не было]. И как это... У нас даже уголок немножко видно, купили землянку, там образом землянка, низенькая, просо на крышах. Потом начали самолетики эти пилу вот такую вниз-вверх дергать, начали пилить лес, и местные уже подключили, ой, это рассказывать — это всё. Мы там были Галька ссыльная, Генка ссыльный, всё, нас только так...

01:34:40

Так и звали, Галька ссыльная?

Да. «Ой, да кто это еще?» — «Да Галька ссыльная». Или еще кто, там же Галек много, а кто чего, куда? В комсомол не приняли тогда тоже меня: «Скажи, за что отец сидел». Я когда пошла в комсомол принимать, папа сказал: «Будут спрашивать обо мне, ты скажи: "Спросите у папы, я не знаю"». Но я действительно не знала, я действительно не знала, это потом — и то нам ничего не рассказывали. Со взрослыми они говорили, друзья собирались, вот маленько чего-то мы слышали, из-за чего и почему он... И вопрос задал сын их друзей, с которыми дружили там, Кирилл: «А скажи-ка ты, пожалуйста, Волыгина, а за что отец, за что отец твой сидел?» Я говорю: «А вы спросите у папы, я не знаю, спросите у папы». — «Как это ты не знаешь про своего отца, за что отец твой сидел?» Я встала и ушла с собрания. Папа ходил потом, но, конечно, друзей уже не стало. Кирилл — там по полное число попало от родителей, что папа уже не стал с мамой с ними, с родителями его, потому что ему попало. И всё, и потом и звали меня, и на собрание папа сходил, почему, чего и что, я не пришла, пока уже в Челябинской области на заводе работала, меня в красный уголок приняли — и раз, и сразу на целину на эту. Комсомол...

01:36:07

Подождите, вы плакали тогда, когда первый раз не приняли в комсомол? Хотелось же в комсомол?

Нет, нет, не плакала. Я очень мало плакала, мама говорила: «Ну ведь не выбьешь с нее слезину!» Я очень мало плакала, я и сейчас, я плачу, когда что-то обидное, обидчивое, вот я тогда дома, и то сама нареву, но чтоб я где-то заплакала, слезы показала — нет. Я была...

01:36:39

Скажите мне, вы хотели быть комсомолкой и хотели быть как все?

Как все, я делала всё как все, выполняла.

01:36:47

А мама с папой были верующими людьми?

Нет, нет. Мама верующая, она на будке выросла, в будке выросла, она с восьми лет уже строчкой занималась, на НЭП она строчила, крестецкой строчкой, вон сколько этих, строчка. Она почему и работала, она работала днем, и приехали когда в лесхозе, а ночью она сидела строчила иголочкой, пялы такие натягивала, с крестецкой строчкой, она строчила ночами. У нее нет трудовой книжки. Она немножко. Но она работала днем и ночью, она вот этой строчкой. Она даже Хрущеву выстрочила рубашку цветными [нитками], воротничок и всё, Хрущеву, когда уже приехали в 1958 году, когда папа получил справку о реабилитации, получил, вот мама тогда посылала, выстрочила ему рукава, Хрущеву, благодарила, благодарила, что он людей так... людьми сделал, людей людьми сделал, восстановил всё.

01:37:50

Уважала она Хрущева за XX съезд?

Она не понимала, она неграмотная, что такое съезд, она как за человека, что он людей освободил, сделал людьми, документы выдал, что они могут теперь куда-то выехать, ехать, уехать. Она вот за это, за человечность. А эти съезды — она не понимала и не касалась вообще, хотя она была комсомолкой. И в нее стреляли даже на собрании, по деревням когда она на лошади... И когда папу забрали, с Валдая приехали и сказали: «Так, подпиши бумагу, что твой муж виноват». Она говорит: «Если я даже не знаю, за что вы [его] взяли, если он не виноват, как я буду писать? Да если бы он и был бы виноват, не подписала [бы]». — «Положи комсомольский билет». Мама положила комсомольский билет.

01:28:44

Отца любила?

А?

01:38:44

Отца любила? Отца так любила?

Это уже с моих слов можно было уже [понять], что она везде, за ним везде, не бросила, не оставила, понять уже можно было. Можно было понять.

01:38:58

А за ней ухаживали?

Не вышла замуж... Неужели нет? Она такая была, шустрая такая, но она и симпатичная такая была, шустрая очень. И веселая такая она была, на работу она на люблю.

01:39:15

Пела? Песни знала?

Нет. Частушки, частушки ночью, по ночам она строчит, проснешься — мама всё сидит строчит, другой раз и носом в материал, в пялы, утром надо на работу. И вот она деревенские какие-то две строчки пропоеет, потом [напевает] — опять две строчки. В разных деревнях на разный же мотив пели песни, вот она там по-волдайки.

01:39:43

Хоть одну помните частушку?

Ни одной не помню.

01:39:44

Ну хоть одну строчечку, ну две строчечки, ну хоть что-то?

Нет. Маловато мне врем[ени] было, потом мне не до песен было, когда я маленько понимать стала.

01:39:53

А вы на маму или на папу больше похожи?

Я на папу.

01:39:56

Папина дочь?

Я на папу. Это сейчас говорят: «Да ты на Раису Ивановну похожа». Ну вот как-то... У нас Генка копия мамы родился, брат был копия мамы, а я была, как родилась, я была папы копия, и мама всё [говорила]: «У, папушка-то родимый, у, папушка-то родимый», что уж если я сказала, что как чего, я плакать не буду, но и делать не буду. В школе что-нибудь рассказываю, урок, а меня перебьют, ну и шиш я дальше буду говорить. «Выйди к доске!» Выйду к доске. «Будешь говорить?» Молчу. «Выйди из класса!» Выйду из класса, но всё, меня уже не заставишь больше говорить. Настырная.

01:40:40

Гальку ссыльную отправляют...

Галька ссыльная.

01:40:42

Галька ссыльная. В комсомол не приняли. Приняли потом. Когда вас отправили на целину и почему это произошло?

А вот когда мы уже... Паспорта-то выдали, ну куда ехать? Мама с папой съездили в деревню, в Костково, там один еще жив был, валялся в ногах, жив мужчина, двое, которые подписывали, пьяные, напоили эти с валдайского начальства, в ногах валялся, прощения всё просил. Ну папа вроде: «Рая, да давай уж, чего, время прошло». Мама говорит: «Тебя одного везде таскали с места на место, а я с двумя по белому свету. Как ты думаешь? И я — прощать?» И они в деревню-то и не поехали и стали [искать] куда. И вот они решили как бы забыться, исключить это всё. Они в Челябинскую область, город Верхний Уфалей к папиной племяннице, двоюродного брата дочке, к папиной племяннице. Мы приехали в Верхний Уфалей.

01:41:45

В каком году?

В 1954 году приехали в Верхний Уфалей. И вот там на заводе, на заводе я работала на станке какие-то дужки [делала], и еще девчонка. И вот пришли с комсомола и в красный уголок нас позвали от станка, выключили, нас — в красный уголок. Комсомол. «Не комсомольцы?» — «Нет, ни та, ни я». — «Почему?» — «В школе принимали, но вопрос был задан, я не стала отвечать, и больше... Приглашали, но я больше не пошла, уже всё». А в партию-то меня как здесь? Работала ведь в райисполкоме заведующая районным ЗАГСом, отделом, 25 лет — как меня в партию? Не надо, нет, я не достойна, я не достойна, всё. У меня муж партиец, в райкоме работает, сын секретарь комсомольской организации. Нет, нет, нет, я останусь бесом, спокойной душой, чтобы мне потом чего-нибудь, а почему, да как, да что, спрашивали, автобиографию, куда, чего, что? Нет, я говорю, всё, забыто, забыто. И вот они приняли в комсомол, там стояли эти значки, награжденные комсомолом, [нрзб] я их не видела. В общем, приняли в комсомол. Прошло какое-то время, вызывают в горком комсомола, вызывают. Ой, народу там уже много, да такие уже... Ну я шмакодявкой-то была-то всё время, это я сейчас располнела, вон фотокарточки-то. И предложили: «Набираем, 50 человек надо на уборку хлеба в Магнитогорск, на уборочную. Как вы?» Но я тут сказала еще: «Как мама с папой, как родители [скажут]». Ну хорошо. Дали подумать. Я пришла домой, я говорю: «Вот так и так». А папа говорит: «Ну а чего, а как ты сама-то?» Я говорю: «Да я ничего» — «Ну так смотри». В общем, дали мне подумать, я говорю: «Ну и ладно». Я пришла, там как раз вот эти Зоя, Галя, мы сразу как-то сдружились, там такие были постарше, а мы уж тут... Ну вот мы и согласились, путевки, 50 человек, мы и поехали в Магнитогорск. Жили в каком-то, ребята в палатках, мы в недостроенном каком-то [здании], то ли клуб, то ли что должен быть. Какие-то тоже были сделаны нары, и мы там. Вместо месяца, нас должны были солдатики заменить, а их нет, и мы два месяца там. Уже и холодать [начало]. Мы два месяца там. Убирали.

01:44:56

Убирали хлеб, хлеб убирали?

Да, хлебушек убирали. Да, зернышки. Целина, целина в Магнитогорске, на целине убирали хлеб.

01:45:06

Вернулись?..

Там много было, зерно, да, и отовсюду было, много было на целине, много народу было. Много

отовсюду, с Челябинской области, это мы Верхний Уфалей, а с других-то еще. Из самого Магнитогорска же там [тоже были]. Много было.

01:45:22

До какого года вы в Верхнем в Уфалее жили?

В 1957-м году, в 1957-м году мы в Боровичи [уехали]. Я одна уехала в 1957-м году, одна уехала к папиной сестре тете Тане, здесь, в Боровичи, а они остались, думали, брата возьмут в армию где-то поближе сюда, к Новгородской области возьмут с Челябинска, а его во Владивосток. Они там отправили его в армию и приехали, и папа с мамой в Боровичи приехали, а Генку, брата во Владивостоке служить отправили.

01:46:00

Я хотела еще знаете что спросить? Отец стал снова родным человеком или от того, что вы 10 лет жили раздельно...

Нет, нет, ну папа, что говорить. Он, я говорю, что он вспыльчивый, как и мама, на меня, у, папушка родимый! Он вспыльчивый, но он правдиво и отходчивый, такой вот. Мама немножко была порезче, царствие небесное, порезче, папа более спокойный такой был, и он до конца меня всё-таки любил. Во всем он ко мне относился... Мама Генюшку, она Геня [его называла], Генюшку любимчика, сыночка своего... Но он болел маленьким, чего говорить, часто болел, она его очень [любила], а меня, я вредничала, она: «Вот папушка родимый». А папа меня любил, до конца папа любил меня. Он даже, в Боровичи приедем, мама... Там снег был с крыши, в Боровичах, в очереди стояла, упавший, позвоночник в двух местах сломан, она в больнице лежала. Папа каждый день утром и вечером к ней всё. Вот приедешь, он: «Галя, ну я вот маленько как бы это... Маленько-то я денюжек-то» — и даст мне. Я говорю: «Папа, ты сам-то есть чего и маме носить всё надо, ходишь сюда». Маленечко, потихоньку. Даже уже мама с больницы пришла, он где-то за продуктами, всё у мамы, всё было, он всё равно так... Я говорю: «Привет». Как-то мама, она на кухне, в комнате, он руку мне, я говорю: «Привет, привет», — а он мне денежки дает. Папа любил меня, как он любил маленькую, я его... так он до конца и любил меня.

01:47:52

А замуж когда выдавали, выходили, папа живой был?

Папа умер в 1985 году, я замуж вышла в 1957-м, 21 год мне было. Как раз они в Боровичи приехали, в Боровичи приехали и записывали, а его, думали, не возьмут, он хохол с Украины, Шепетовка, мать его не разрешила, написали, не разрешила расписаться, замуж на кацапке, там у него была девочка, он учился там в техникуме.

01:48:31

Вы для нее кацапка?

Да, кацапка, русская, куда я чего? Не годится, да. Володе надо было... Ой, какого числа-то... В общем, думали, что мать одна больная, его не возьмут, а он с армии не к ней в 1957 году приехал, а приехал в Боровичи, приехал в Боровичи. Потом в 1959 расписали, в 1960 сын родился, ездили на Украину к ней, чтобы не это... Ладно, царствие ей небесное. И мама ходила в Боровичи...

01:49:12

Так она и не приняла вас? Не приняла вас?

Мы ездили, два раза ездили, два раза ездили. Но всё равно мы были никто и ничто. С ребяташками. С Вовкой, Вовка, второй раз и с Мишкой уже ездили, маленькие. Первый раз это три месяца было Вовке, три месяца было, мы ездили. И хорошо, и папа с нами поехал, мама поехала, мы бы сразу развернулись бы на вокзал и обратно бы поехали, а папа был, так: «Галя, дочка, ну потерпи, Володя же не виноват, Володя же хороший, зачем ему-то нервы... Ну она такая вот, вредничает. Галя...» Но папа всё равно три дня там побыл, забор там сделали, войной дом разбит, Шепетовка же вся разбита там была. Ездили в 1961 году. И они в Боровичи приехали, никакой матери, она же на Украине, и его в армию, Володю, в 1957. И его в армию. Так же он учился в техникуме, геологоразведочный, и в армию. И вот мама ходила, чтобы выдали ему паспорт, он 30 октября, 30 октября пришел, 30 октября 1959-го, в 1957-м он в армию пошел, мать не разрешила, у нас в ЗАГСе заявление, мы когда в 1959-м пошли, говорим: «Два года заявление у вас лежит здесь, подано было, а мать не разрешила». Я написала, мамой называть ее... И в 1959-м уже он приехал в октябре, а 6 ноября, чтобы расписаться, мама

ходила, в ЗАГС ходила, в паспортный стол сначала ходила, чтобы паспорт Володе выдали, что он только с армии, к начальнику [нрзб]. Паспорт выдали, и 6-го мы [расписались]. Никакой свадьбы, ничего, как свадьба-то? Я сейчас уже расписывала, наживутся, наживутся, как-то прям ведут себя так... И мы, брат Генка, а больше у нас никого там не было свидетелем, фотографировал нас в Боровичах. Мы между парами, которые...

01:51:26

А есть эти фотографии свадебные?

Не свадьба, мы сидим в ЗАГСе, сидит депутат, видимо, заведующая, я сижу в беретике, красное платье такое и Володя сидит напротив.

01:51:41

А найдете мне эти фотографии?

Сейчас я никак не найду, я всё перерыла, но у меня альбомов миллион, я вот тут... И то пока маленько, еще ничего, у меня же опухоль головного мозга, с головушкой-то... И зрение... Было как-то ничего — я и давай выбирать, собирать со всех — вон их 50, сколько альбомов — выбирать, собирать. И я вот эту [фотографию] не встретила. Потом я очень даже... Всё-таки я не знаю, сама буду просить, буду просить хоть сына, но была бы дочка, так дело другое, мужики есть мужики, господа.

01:52:15

У вас один сын? Двое?

У меня умер в 48 лет старший сын. Вот ему 60 было бы, 13 марта было бы 60. А этому вот в апреле, 5-го, 58. Я родила первого в 25 лет, а этого в 27 лет, и в 35 я еще двойняшек рожала, в 35. Им бы по 50 было в январе, но резус не мой, у меня резус отрицательный, 4-я группа [крови], и не мое попало. Начали сосудики, кровь, в общем, пошла, ну прозевали врачи. Надо было в Новгород ехать, переливание делать внутри. Ну двое вроде нормальных... Ну тот в 48, инсульт, умер, старший у него теперь у меня, 17 лет правнуку.

01:53:02

17 лет?

13 лет. Да, 13 лет, 18, в августе будет 13 лет, там тоже правнуку этому, ну старшего сына, а здесь 17-й год правнучке, этого сына, и 9 лет будет правнучке второй.

01:53:19

Галина Михайловна, когда отца реабилитировали...

В 1958 году.

01:53:24

Да. Он получил какую-то денежную компенсацию, что-то еще? Как-то страна извинилась перед ним?

Ничего. Приходили, приходили с Боровичской администрации, спрашивали: «Что у вас при аресте мужа, что у вас было забрано?» Ну мама сказала, что винтовка единственная, он охотник был, винтовка, остальное у нас ничего не было, хозяйства не было, нечего возвращать, никаких денег. Если что-то надо, за дом, и за дом как бы... Я вот не помню только, было ли тогда. Сейчас есть — и то 10 тысяч. Закон такой есть: если дом отбирали, у нас дом не отбирали, получается — и ничего. Ружьё не надо, ничего ничего.

01:54:17

Он ни копейки не получил?

Ничего, ничего, мы ничего не получали, ничего. И мы как сосланные... Потом когда эти уже репрессированные, дали эти удостоверения, выдали, в 1993 году я здесь получила удостоверение, с 1991 года началось-то всё, образовалось общество в Новгороде и по районам. Я вот здесь в Окуловском сразу... Тут пошли уже льготы и коммунальные, 50 процентов, вот мы же в госпиталь, приравнены как ветераны войны, ветеранов войны в госпиталь, мы пожалуйста. Потом выдавали путевки, выдавали, но если кто не мог попасть по здоровью, по каким причинам, выдавали деньги. Потом прекратилось это, прекратилось, но сейчас опять

возобновилось, каждый год бесплатная путевка. И дорога оплачиваемая. Ну сначала всё это оплатить а потом деньги [возвращают], бесплатная путевка, и дорогу бесплатную дают. Ну еще очень хорошо, что вот ветеран в госпитале, нам как репрессированным, нас принимают там.

01:55:42

Вот эта медаль, которую сейчас я достану, дам вам, за что вы ее получили?

За работу.

01:55:46

Сечас, секунду.

В 1985 году вручали в администрации, больше 20 лет, то тогда...

01:55:54

Ваша же это медаль?

Да, это мое удостоверение, 1993 года, репрессированного. Везде, по нему и в госпиталь, по нему в госпитале принимают. А это медаль, удостоверение, медалька моя. Больше 20 лет. И в 1989 году прекратили, всё. Сейчас же попробуй, вон у меня невестка 40 лет, прислана, в аптеке прислана, отучилась в Ленинграде на фармацевта, 40 лет здесь отработала, пошла на пенсию, прошлый год, не ветеран труда, всё, нет. А чего я? Не так, да конечно, не так цепляю [медаль].

01:56:38

Так всё красиво.

А что-то не [получается]. Так я ее никогда не цепляла.

01:56:48

Вообще никогда?

Не-а.

01:56:50

Для вас неважно то, что она есть, или важно?

Так оно у меня... Ну как сказать, важно. Никто не требует, никуда не [нужно], что оденьте или что-то. Нет. А то, что удостоверение есть, что льготы, так у меня три льготы: и репрессированные, и ветеран труда, и инвалидность. А одно только, а это как бы так, она ничего не дает.

01:57:19

Галина Михайловна, а вы советский человек? По духу своему?

Что-то я такое... Не задавали вопрос, не знаю. А какая я должна быть? Я русская, советская баба, родившаяся в деревне. Ой, сейчас и зубы упадут.

01:57:42

Может быть, антисоветская.

А?

01:57:45

Можно быть антисоветск[ой] баб[ой].

Нет, а как это?

01:57:50

Ну вот страна же, страна наказала вас ни за что. Разве страна не виновата в этом?

Вот вы задаете вопрос, который мне не единожды [задавали], совсем вот [недавно], 6-го [числа]

был задан вопрос: «Галина Михайловна, скажи, пожалуйста, как так может [быть]? Ты же с детства ни детства, ни юношества, ничего не видела в жизни, как говорится, прижимали, прижимали. Почему ты не обозлилась? Почему ты с народом? Почему ты, вот мы где просим, выступаешь?» И стихи, и словами выступаю, говорю. «Почему ты?..» Потому что я жила среди такого народа, если бы я, вот как сейчас народ, говорю честно, как сейчас народ, может быть, бы я... Вот как сейчас правительство наше относится к нам, к репрессированным, вот только я на старости лет — и то на 75 лет Победы я восстала.

01:58:41

Подождите, Галина Михайловна, это разные вещи.

Не согласна.

01:58:45

Подождите. Вы мне скажите, в том, что произошло, кто виноват? В том, что с вашей семьей произошло, кто-то виноват?

Виноваты, как говорят, и Путина сейчас, я сравниваю и Путина сейчас, виноваты люди, люди, стоящие у власти люди, кучка людей виновата, и они распустили простых людей, как и сейчас убивают родителей, детей, распущенность полная, что они писали доносы на соседа: «тот так сказал». Люди, черные [воронки] приезжали, людей забирали ни за что, не убил, не украл, ничего. Сейчас убьют, украдут, господа, пять, два года условно. Ничего. И людей вот так всех забирали. Где-то слово не так сказал. Распушенность руководства. Сталин не мог уследить за всеми. Вот всё Сталина ругают, костят. И мы пока еще... А когда уже старше становишься и когда вот это всё сравниваешь, уже сравниваешь... Это на старости лет у меня такое появилось, я поэтому не обращала ни на что внимания, ну жизнь идет, все люди равны, как-то одинаково относятся, дружно всё. А сейчас другое, сейчас совсем другое. Сейчас начинаешь сопоставлять. Поэтому Сталин-то после войны... И строительство, и люди дружно, делал всё-всё для этого, да, чтобы люди жили. И цены, и всё было, чтобы люди жили.

02:00:16

Галина Михайловна, вы, подождите, мама же не Сталину рубашку вышивала, а Хрущеву.

А при чем? Почему? Она Сталину рубашку-то... Ну чего вы сравниваете? Сейчас бы я схулиганила, сказала бы...

02:00:31

Ну скажите.

Как это так?

02:00:32

Ну скажите, с чем, кого я с чем сравниваю?

Не буду. За что папа получил 58-ю статью? Когда он сказал этим начальским, что «вы сравниваете», вот у него и рабочий, и всё, «не трогайте его, а вот эти 10 человек выгребли всё, она рождает на поле, все на поле с рождения работают, а вы всё забрать оттуда, сравнили что-то с чем-то». А ей не понравилось. А эта поговорка очень даже, вот сейчас прям... Сейчас я наговорю, правда, получу я не 58-ю, не знаю, какую статью. Как я говорю, «Галина Михайловна, 85, а ты вот так» — я говорю: «Знаете что? Не надо смотреть [на внешность], 85, надо смотреть, что там [внутри], а мне там 58». Вот только 6-го [числа] хозотали, все смеются, что я скажу. «Галина Михайловна, ну-ка давай, скажи слово». Я еще бокал-то этот, еще фляжку [взяла] похвастаться, что было на 70 лет Победы. А 85 — обана, разделили, нет репрессированных, всё, нету, вымерли. «Вы чего, — я говорю, — вы чего смеетесь? Вы что, меня не знаете? Да, я приболела сейчас, да. Столько дней было давление высоченное, потом низкое, потом у меня головушка болит, потом у меня кости все мои, ведь это всё [нрзб], и я немножко ждала. «Что, стул? Мне сказать стул?» Я говорю: «Да я сейчас вас всех разогрею». Ну я всегда вот так, они хохочут все, надо мной смеются, говорят: «Ну молодец». Я еще сама жару дам, а вы мне что-то еще приставить куда-то, как этого, господа, приставить к печке-то. Вот до чего артист-юморист. Так что я за правду, я за правду, за настоящую правду, что есть вот она, есть. Я правду им высказала. Вы предлагаете нам всё забыть, старикам, молодым пихают «давайте помните-помните-помните», еще скажите, сколько человек убили фашистов, а это же те же люди. Как у нас русских предателей до и больше. Откуда взялись самолеты? Вот эта конница потихоньку [в солнечный день] шли, самолеты прилетели из Демянска. Откуда?

Было уже, потому что в каждой деревне сидел человек. Откуда? Откуда самолеты? Мы черт-те [где] от деревни в поле были, дети, ребята, старики. Откуда они знали? Откуда знали? Вот сожгли людей в деревне. Потом уже [выяснилось], что, оказывается, раненый был, раненый солдат в семье в одной был, раненый, и они скрывали, немцы ходили, они скрывали. Кто выдал? Русские выдали. Немцы тут как тут, и то отряды, отряды палачей, вот именно фашистов, набирали же таких людей. А сколько у нас показывают кино, русских наших предателей с белыми повязками [показывают] в кино. Или как вот эти предатели, в Латвии, я в Риге была «Саласпилс», лагерь смерти, у меня есть и фотокарточки, сердце как бьется, детей кровь брали, там решетки в земле. Ну их шутманы, предатели, шутманы называли в Латвии, в Риге была, шутманы, предатели. А у нас сколько? Как-то тут разговор был, сколько, откуда, чего, кто знал, в какой дом зайти. Предавали друг друга, русские русских. Не надо, вот русские русских же на уничтожение посылали черт-те куда, детей, детей! И получили теперь... Ну папа, 10 лет, ладно, сказал не то, не украл, не убил, 10 лет отбыл. Мы-то за что? Получили такую же справку о реабилитации, вот она на руках, значит, что? Справка о реабилитации? Меня простили? Значит, я была осуждена? Или брат тоже получил. Или мама, что выгнали из дома с ребятами. Мы получили справки такие же о реабилитации, как у папы, в 1958 году, а мы получили... В 1982-м мама на всех троих-то получила, и то забраковали, потому что был документ, что она была выслана в Красноярский край в 1941 году откуда с двумя маленькими детьми. А потом, когда она все документы предоставила в Новгород, ну и дали справку о реабилитации, там и моя девичья [фамилия] Волыгина-Ковальчук, где мы живем, уже брат в [нрзб] Калининградской [области], я в Окуловке. Опять забраковали, опять надо другие справки. И пришлось... Хорошо в Валдае, в Валдае свидетели еще жили, а их уже, пожалуй... Да нет, одни — это вот дети, дети тоже были, вместе мы были. Мама нашла в Канском районе, три семьи нашла она, вместе жили, но уехали-то мы одни, мама выхлопотала, но они тоже в Валдай приехали, в Валдай ездили. Так что я за правду, за власть, которая за народ, за правду, которая за народ.

02:05:57

Так...

Злости какой-то — нет у меня такого, чтобы...

02:06:02

Подождите, пожалуйста. Галина Михайловна, вы еще тут в этом кресле. Эля, нужно развернуться, и Галине Михайловне дам я сейчас фотографии на коленке, попрошу рассказать про каждую фотографию коротко, а вы за плечо переставляйтесь, хорошо? Можно с одной камерой. Умучили мы вас? Устали?

Не-не-не! Ой, спасибо, а я бы сейчас лежала с наушниками, какую-то дребедень бы [слушала]. Ну ничего нет, старухи. Хотя бы что-нибудь. Раньше кино показывали бы, ну ё[-мое]... Показывают, ну ё-мое, смотреть нечего. Вот и «забудьте о прошлом», а лежишь и думаешь, вспоминаешь, и хорошее...

02:06:46

А вот пока мы переставляем... [Оператору] Переставляйте, переставляйте. А вообще, дети ваши, и внуки ваши, и правнуки, они знают историю семьи или не знают?

Вот знаете что? Вот я только сказала, Танюшка, 15 томов книги памяти издано, издается 16-й том. Репрессированных — вот уже 29, было 32 человека, уже вот умерло, а сколько еще я буду звонить, перед тем как, перед Днем памяти... [Нрзб] в соцзащите пока ЗАГС передаст, я обзваниваю, у меня все телефоны городские, в поселении всех обзваниваю, кто жив, чтоб мне было точно на День памяти, 28-29 октября я у себя здесь собираю, в Новгороде на прошлый год не было, я собираю здесь, в церквушку, панихиду когда, договариваюсь с батюшкой, у памятника, значит, потом идем [на] поминальный обед, возложение цветов, поминальный обед. Вот там кто чего, мы маленечко и рассказываем про это, про себя всё это.

02:07:49

Нет-нет, вы сидите, Галина Михайловна. Это я пока заберу, потом положим на место. Я бы вас попросила, я вот так вам буду давать фотографии, а вы коротко сможете рассказать?

Ну вот здесь я... Рассказать то, что вот эта фотокарточка, [с которой папа прошел все свои испытания]. Где вот такая мамина?

02:08:13

Такая же? Сейчас найду.

Да, старенькая. Это я перефотографировала...

02:08:17

А, вот она.

...для газеты. Вот эту фотокарточку папа пронес через все свои [испытания], сохранил. Это папу когда забрали, он взял с собой фотокарточку, вот я маленькая, а Генка был здесь, [мама] беременн[ая], да. Мне исполнилось год семь месяцев, ну да, год семь месяцев, папу взяли в августе, в октябре родился братик, через два месяца родился брат. А это вот папа сохранил, я не знаю, что тут написано, что-то тут было написано, почему-то отклеено.

02:08:59

Сейчас попробую посмотреть. «Это фото... Это фото пронесло чуть... Пронесено. Пронесено через все тюрьмы с 1937 года по 1946 год».

Вот. Папа сохранил вот эту фотокарточку. Через два месяца родился братик.

02:09:33

А тут написано: «На память дорогому мужу и отцу, целуем крепко, твоя жена и дочь».

Ну вот это мама, это мамой, значит, написано. А это после уже у мамы написано. Вот он с собой пронес всё это. Где прятал? Обыскивали же. Прятал и сохранил.

02:09:58

[Оператору] Эль, потом вот это надо будет просто сфотографировать, и ту, и другую сторону. Дальше идем. Это что такое?

Так, это в деревне тоже, еще перед ссылкой мама сфотографировала. Здесь есть что[-нибудь]? Нет ничего. Мама сфотографировала. Вот Устя, ее подружка была, Устя. Устинья. Устя, подружка ее была. А это вот мы с братиком, нас [сфотографировали], сколько лет, я не знаю, но перед высылкой. Сколько тут? Ну если три года мне, четыре-пять, сколько тут было мне? Не знаю. Это в деревне, в деревне Костково до высылки.

02:10:41

А какая-то фотография, где есть и папа, и мама, и вы, и брат, существует? Уже когда вы встретились?

Так я же показывала, мы четверо в Новосибирской области сидим, где костюмы купили, уезжать. Паспорта уже. Нам уезжать уже надо было с Новосибирской области, с Северного района, и вот сфотографировались мы четверо, все.

02:11:06

Да, есть такая фотография.

Да вот она, а еще там, где мы без этой... Нам они купили хлопчатобумажные костюмы и потом сняли, Генка снял пиджак, и я сняла пиджак, я в платье, а он в рубашке, в брюках. Это в 1954 году, в 1954 году, это нам уже уезжать с Северного района Новосибирской области, с ссылки, папа паспорт получил, мы уже поехали в Челябинскую область, город Верхний Уфалей, к папиной племяннице. В 1954 году. Вот это мы. Это мы в Новосибирской области, Северный район, перед отъездом, уже паспорт, папа уже с паспортом.

02:11:55

Так. Так. Это?

Это не знаю, сколько маме лет. Это не знаю, это не знаю.

02:12:09

Очень красивая мама была.

Это после ссылки, это после уже, это по возрасту даже понять, что это после ссылки уже. Где вот она?

02:12:18

У мамы мужской характер был? Мужской?

Да. Мама была сильная, если бы не мама, у нас семьи бы не было, говорю, [без] мамы у нас бы семьи не было. Она бы не стала искать папу, у нее было мужчин-то, господа! К ней древенские... А там-то было! А там-то! Как она прям, ой-ой-ой! Назойливые такие все. Но она нас, как кошка котят, она нас очень берегла, чтобы мы хоть сыты были, хоть что-то одеть, обуть было.

02:12:53

Это?

А это в 1953 году мне исполнилось 17 лет, получила я, 17 лет, семь классов, получила я свидетельство об образовании, и девчонка там постарше меня учиться захотела поехать, папа с мамой говорят: «Ну поезжай». И вот мы с ней в Кривошеково, Кировский район города Новосибирска, Обь, Новосибирск там, Кривошеково... Поехали сдавать экзамены, и я экзамен... Там не так, в книге будет написано, что не приняли, неправда. Я не сдала по русскому языку, где я чего, я не знаю, как я другие, чего я могла бы, куда, в институт, разговора нет, как я училась в разных школах, там два класса, там один год, два. Она где-то: «Пойдем на завод уборщицами». А я пошла — у меня вот телогрейка казенная — я пошла на почту, и меня взяли почтальоном в 17 лет, трудовая книжка у меня с 1[9]53 года. Нет, нас строго, нас строго держали. Мама одна была, но чтоб какого-то... У нас никогда хулиганства или что-то [не] было, и мы ребяташек своих, мы здесь уже жили, девять часов, во дворе гуляют, играют, девять часов. «Мам, ну можно мы еще часик?» Все ребяташки: «Можно еще?» А мы на третьем этаже, это мы поменяли, я сыну отдала с внуком трехкомнатную, вот пятиэтажный дом рядом здесь стоит, обмен сделали. «Ну ладно», — это Володя говорит. «Да пусть они еще... Ладно, погуляйте еще, побегайте». И у них было не так, как сейчас, правнучка, три часа ёпэрэсэтэ... Я до сих пор не могу никак к этой жизни привыкнуть, никак не могу. И вот уже и взрослые, и внуки, всё, и правнучки... Я скажу!

02:14:55

Вы с мамой на «вы» были? Вы маму на «вы» называли?

Нет, нет. Я вообще, честно сказать, я, единственное, когда ездили, мать Володину на «вы» [называла], но это и редко. И так вот мы, я прошу у людей, близко которые, близко, я [говорю]: «Ты-вы, ты-вы, можно я на ты буду?» Ну роднее, ближе прямо, мне кажется. Да ну — и разговора нет. Ну меня почему-то? Ну почему вы меня, мой возраст? «Михайловна, Галина Михайловна, Галина Михайловна», ну зовите хоть Михайловна, если не хотите Галина или Галя. Я же Маша-то называю, ну зовите меня. «Ну тогда Михайловна». Но [зовут] Галина Михайловна, хоть ты лопни. Я когда буду хоть Галька, или Галя, или Галина?

02:15:45

Галина Михайловна, вот это, расскажите про это.

А это в Красноярском крае, я уже говорила, Генке были сшиты брюки, галифе, а мне от соседской девчонки — всё это новое было, чтобы сфотографировали. Я не знаю, кому чего... Вот здесь что-то написано, что написано — не знаю. Куда это, чего мама фотографировала. По-моему, у нас больше нет из Красноярского края, больше мы не [фотографировались], а кому куда она эти фотокарточки?..

02:16:15

Там написано, смотрите, я вам даже прочитаю.

Что написано, не знаю.

02:16:18

Тут написано: «На добрую долгую память дорогому отцу от детей Гали и Гены. Сибирь, станция Солянка, 1944...»

Новосибирская область, да. Красноярский край, это Сибирь, Красноярский край, Солянка.

02:16:33

Сибирь, станция Солянка.

Да, это Красноярский край.

02:16:36

То есть она уже знает, где отец, и отправляет вот эту вот фотографию.

Никуда она не была отправлена, она никуда не была отправлена, эта фотография. Как она есть, так она и есть, она никуда не была отправлена.

02:16:50

Но если она отцу это отправляет? Тут написано, что она отправляет это отцу.

Не знаю, куда она отцу отправляла, когда она нашла, вот уже приехали когда, это в 1946 году, и вот поехала к нему. А куда она чего отправляла. Но она вот она, она не отправлена, она не отправлена, вот она так и есть, эта старая фотокарточка. Ну, давнишня.

02:17:13

Поняла, поняла.

Я такого... А это в Кировской области, у папы тоже уже, в Кировской, я рассказывала. Вот это с Украины ссыльные были, Дворянчиковы. Три, три сына, они с Украины. Бабушка у них хохлушка, она по-русски не говорила. Тетя Галя, она мать их, и бабушка, [то есть] и отец, они по-русски говорили. А бабушка... Мы что-нибудь забалуемся, она: «[ин. яз.]. Уходите отсюда, [ин. яз.]». Коля ходил в школу, за три километра-то ходили. Это в Челябинской, да, у папы в Челябинской области. Вот я рассказывала потом, неожиданно так, мы уехали... Или тоже дядя Коля, я уже не помню это. Они вперед или мы вперед, в ссылку к папе-то, не помню. Но потом в Гвардейске Калининградской области, я рассказывала, в тюрьме, Коля, Коля, мы переписывались. Так вот он говорит: «Так у меня же брат в Гвардейске». Коля приезжал к брату в Гвардейск, Калининград, приезжал к брату и ходил, Витька там сидел в тюрьме. Ну вот я не помню, то ли его убили, то ли он чего в тюрьме... И Сереженька рано, младший у них, и Сереженька рано. Коля приезжал один уже, и Сереженьки не было, умер и Сереженька. Это в Кировской области, Вятлаг. И вот мы жили в одном бараке, две семьи, с Украины были ссыльные и мы. Дядя Коля был ссыльный, они-то тоже приехали с Украины, дядя Коля был, как и мы приехали к папе. Это в Кировской области были. А вот это я не помню, сколько мне.

02:19:14

Это 1952 год, 1952-й.

Так это тогда в Северном, в Новосибирской [области], в Северном районе.

02:19:19

А где вы здесь? Не найдете, не видно вам, наверное?

Да я вот, говорили, где-то я наверху, нет меня... У меня волосы до плеч распущены. Я вот, я не вижу.

02:19:33

Ну хорошо.

Волосы распущены. Где-то на какой-то фотокарточке я наверху, а здесь я не увижу. Это ребятишкам, сыну, так не увижу. Здесь... А чего, меня не видно, и маму не видно.

02:19:50

А папа?

Это мама. Это, погоди-ка, дядя Саша, это Витька, это Лида, это Витька. Так а слушай, а где? Так вот это папа. Дядя Саша, он выше был папы. Так вот это, значит, папа.

02:20:08

Да, похож, да, папа.

Ну вот у нас же семья — четверо, это Лида и Виктор. И вот там их сын отталкивает меня от матери. Ну никак, я уж прижимаюсь, а он меня, я хохочу, а он толкает. Это в Верхнем Уфалее. Нет уже их никого. Мы в 1954-м к ним приехали, в 1957-м мы уехали. В 1957-м мы с Верхнего Уфалея уехали уже в Боровичи, с Верхнего Уфалея.

02:20:34

Так, Эля, здесь мы закончили.

Вот, я... И на старости лет репрессированных вычеркнули вообще, как говорится.